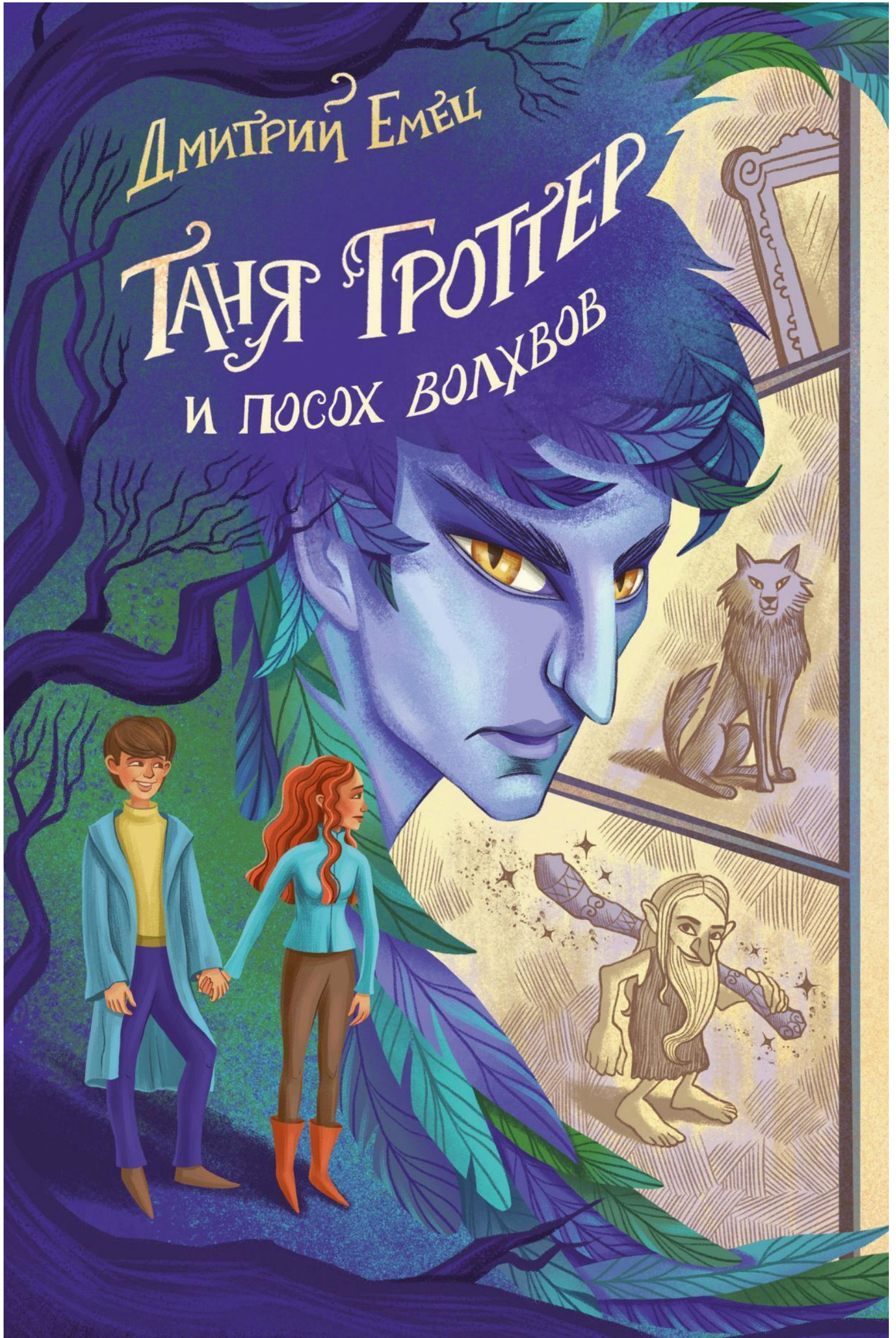

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

ТАНЯ ТРОТТЕР

И ПОСОХ ВОЛХВОВ

Таня Гроттер

Дмитрий Емец

Таня Гроттер и посох волхвов

«Емец Д. А.»

2003

УДК 821.161.1-312.9-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Емец Д. А.

Таня Гроттер и посох волхвов / Д. А. Емец — «Емец Д. А.»,
2003 — (Таня Гроттер)

ISBN 978-5-699-83587-4

Между Потусторонними Мирами и миром магов существует строгий закон равновесия. Ничто не может перейти из мира в мир, не нарушив хрупкого баланса сил. Но вот веками оберегаемое равновесие нарушено: из Потусторонних Миров похищено нечто исключительно ценное... Одновременно по Таниной неосторожности в зеркале поселяется сильный дух, который открывает проход между мирами. Три могучих древних бога – Перун, Велес и Триглав – и хранитель мирового древа Симорг требуют вернуть украденное, грозя уничтожить Буян и с ним вместе весь магический мир... Ну а настырный Гурий Пуппер по-прежнему делает все, чтобы завоевать любовь Тани Гроттер. Он сотнями посылает купидончиков и даже... переходит из команды невидимок в сборную Тибидохса по драконболу.

УДК 821.161.1-312.9-053.2

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83587-4

© Емец Д. А., 2003

© Емец Д. А., 2003

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	25
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дмитрий Емец
Таня Гроттер и посох волхвов

© Емец Д., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Глава 1

Родственников не выбирают

*... Душа родная – нос чужой...
Враждуют чувства меж собой...*

Е. А. Баратынский

Самый добрый депутат Герман Дурнев воздел к потолку мутные глазки с белками цвета несвежей мыльной пены.

– Человеческой подлости и зависти нет границ! Нинель, золотце мое, меня лишили депутатской неприкосновенности, лишили всего! Кто я теперь? Всего лишь почетный председатель В.А.М.П.И.Р. и генеральный директор фирмы «Носки секонд-хенд»! – надрывно заявил он.

– Герман, все же согласишься, ты сам виноват. Притащиться на встречу с американским президентом в кожаных сапогах со шпорами и со шпагой! Они, конечно, там ковбои, но не до такой же степени. И как тебя только пропустили? Я лично не удивляюсь, что все так закончилось! – осторожно заметила тетя Нинель.

– Да, да, да... Возможно, это было с моей стороны немного неосторожно. Но что такого особенного в сапогах? Я же послушался тебя и не надел корону! – плаксиво пожаловался Дурнев.

– ГЕРМАН!

– Что Герман? Я уже целую кучу лет Герман! А вообще-то, клянусь, американца это позабавило! Он там сидел и от нечего делать рисовал на бумажке танки, а когда я крикнул: «А вот и он, больной зуб!» и зазвенел шпорами – тут он как подскочит! А наш президент поморщился и погрозил мне пальцем. Знаешь, будто хотел сказать: «Опять этот Дурнев! Он меня просто достал!» – заявил почетный председатель.

– Германчик, ты забываешь, что было потом! – сказала тетя Нинель.

Самый добрый депутат отмахнулся от жены, точно от назойливой мухи.

– А что, кто-то еще этого не знает? Да по телевизору целую неделю только это и показывали! На меня навалились охранники и стали выкручивать мне руки. Мне, председателю В.А.М.П.И.Р., депутату! Мне это не понравилось, и я стал сопротивляться. Вообрази, Нинель, я и не предполагал, что такой сильный. Они падали, как кегли в боулинге, а я ведь только толкал их эфесом шпаги и звенел шпорами. Один, здоровенный такой, краснощекий, как помидор, представляешь, задрожал и закрыл шею руками. А я лишь посмотрел на него немного задумчиво.

– Просто посмотрел, и все? Ты уверен, что не пытался его укусить? – с подозрением осведомилась тетя Нинель.

Дурнев от возмущения даже передернулся.

– Кусать какого-то охранника с немойшей шеей, который только поливает грязь этим мерзким одеколоном? Фи! За кого меня принимает собственная жена? Да я вообще не переносю вида крови! В детстве мне становилось дурно, стоило уколоть иголкой палец и увидеть красную капельку... Вот слегка поджаренные бифштексы с кровью – совсем другое дело. Но они же не ходят на двух ногах!

Тетя Нинель обрушилась на диван, обреченно заскрипевший пружинами. Дальше ее муж мог не рассказывать: она и сама все знала. Несмотря на шпагу графа Дракулы, количество восторжествовало над качеством. Дядю Германа скрутили и выставили вон. На другой день многочисленные недоброжелатели Дурнева вынесли вопрос на голосование и лишили его депутат-

ской неприкосновенности, а заодно и мандата. Возможно, Дурнев сумел бы еще на кого-то надавить и выкрутиться, но его пропуск в Думу тоже был аннулирован, так что потомку графа Дракулы некого было замораживать гипнотическим взглядом и не перед кем звенеть шпорами.

– Айседорка Котлеткина сегодня со мной даже не поздоровалась! Прошла как мимо пустого места. Она уже знает, что ты в опале, – грустно сказала тетя Нинель.

– Еще бы. Моей политической карьере пришел конец. Окончательный и бесповоротный. И Котлеткины это понимают. У них нюх, – кивнул председатель В.А.М.П.И.Р.

Он увязал в болоте уныния.

– Чем ты теперь займешься, Германчик? – стараясь расшевелить его, спросила тетя Нинель.

Ее хандрящий супруг-вампиرويد задумчиво пошевелил ножками в зеленых носочках. С его стороны это было не самое разумное действие. Такса Полтора Километра, наблюдавшая из-под дивана за прыгающими у нее перед носом дурневскими пятками, не справилась с искушением. Она высунулась, тяпнула бывшего депутата желтыми старческими зубами и вновь убралась в свое убежище.

Дядя Герман взревел страшным голосом. Он подскочил едва ли не до потолка и попытался отодвинуть диван, чтобы расправиться с собакой. Однако диван и сам по себе был тяжелым. Сейчас же, когда на нем сидела еще и тетя Нинель, массивная, как якорь «Титаника», он привел бы к грыже и тибидохского атланта.

Тогда Дурнев замыслил отомстить иначе. Держа укушенную ногу на весу, он на оставшейся ноге (выбор ног у лопухоидов, увы, довольно ограничен) припрыгал к телефону и поспешно пролистал справочник.

– Это зоомагазин?.. – закричал он в трубку. – Скажите, девушка, у вас есть отравы для собак?.. Что вы говорите?.. Пес мучается? Нет, это я мучаюсь! Как не держите? А зачем тогда задавать идиотские вопросы?

Раздраженный Дурнев швырнул трубку на рычажки, бессильно пнул диван и, ушибив пальцы, неожиданно для себя настроился на мирный лад.

– Вечно ты, Нинель... Откуда я знаю, чем займусь? – пробурчал он. – Ну, наверное, пригоню из Европы пару составов с тряпьем. Только знаешь, что в последнее время стали уstrarивать эти жулики, мои поставщики? Они подмачивают вещи перед продажей на вес! Только я ведь тоже не лыком шит. Я расплачиваюсь с ними не деньгами, а матрешками и буденовками.

* * *

Неожиданно – такие вещи почему-то всегда случаются именно так, а не иначе – звонок в коридоре ехидно задрезжал. Тетя Нинель и дядя Герман разом вздрогнули.

– Пап, кто-то притащился! – крикнула из своей комнаты Пипа.

– Будто я сам не слышу! Возьми и открой! – огрызнулся дядя Герман.

– Я не могу! Я ругаюсь! – возразила его дочка.

Она уже третий час сидела в Интернете на форуме фанов Гурия Пуппера и пыталась убедить всех, что Гэ Пэ влюбился в нее и даже присылал ей цветы с купидончиками. Пипе не особенно верили, хотя она со злости так колотила по клавиатуре, точно забивала гвозди. Правда, в одном Пипа с форумцами все же сходилась. Фаны Пуппера тоже в большинстве своем считали, что Таня Гроттер – дура набитая, а Гэ Пэ крутой, как вареное яйцо.

– Ладно, доча, не отвлекайся! Ругаться надо долго и со вкусом, а то не получишь удовольствия. Папулечка сам откроет! – сказал дядя Герман и двинулся к двери.

Его супруга повисла у него на руке.

– Герман, не надо! Не открывай! – взмолилась она.

– Почему?

– Так всегда начинается! С непонятных звонков в дверь. Разве ты не слышишь мелодию? То ли похоронный марш, то ли джига! Эти звуки бывают только в *таких* случаях!

– Думаешь, снова Гроттерша? – вращая шеей, с подозрением спросил Дурнев.

– Не знаю... Давай хотя бы посмотрим, прежде чем открывать!.. Стой! Ты куда? – Тетя Нинель на секунду выпустила супруга, и тот, воспользовавшись этим, прорвался к дверям.

– Если это Танька, она пожалеет! Прикончу на месте! Шпага, ко мне! – воинственно зарычал потомок графа Дракулы.

Шпага, звеня от нетерпения, выскочила из шкафа и прыгнула к нему в ладонь. Ей давно уже хотелось кого-нибудь проткнуть, и теперь она только обрадовалась, что хозяин взялся за ум.

Рванув дверь, Дурнев выскочил на площадку и удивленно остановился. Он никого не увидел. Должно быть, это произошло оттого, что дядя Герман смотрел слишком высоко. Наконец он догадался перевести взгляд ниже и оцепенел.

Перед ним обнаружился карлик с большой бугристой головой, покрытой не то лишаями, не то заросшими красной шерстью родинками. Его макушка была где-то на уровне пупка дяди Германа. Однако маленький рост ничуть не лишал карлика самоуверенности. В руках у него была сучковатая, с резными узорами палка из красного дерева, на которую он опирался не без некоторого изящества.

Карлик так и светился от чувства собственного достоинства, которое ничуть не умалялось тем, что единственной одеждой карлику служила волчья шкура. Он был бос, с ногами, по колено покрытыми грязью – такой жирной и густой, что со стороны близорукому человеку могло показаться, что карлик обут в щегольские хромовые сапоги. Даже для конца октября грязи было явно многовато. Однако самым неприятным в незнакомце были даже не красные родинки и не грязь, а кошмарный запах – резче и отвратительнее, чем от болотного хмыря. Видно было, что карлик принимает душ только при несчастном стечении обстоятельств – когда попадает под дождь.

Пока дядя Герман тупо разглядывал огромные, не по росту, ступни гостя, с ногтями желтыми и крепкими, как черепаховый панцирь, карлик, ничуть не смущаясь, произнес гнусавым голосом:

– Квартира Дурневых? Вот приехал к вам! Жить, то ись, у вас буду!

Ошеломленный такой неслыханной наглостью, дядя Герман сумел лишь открыть рот. Рука, в которой он сжимал шпагу, опустилась.

– Ты что, братик, не рад? Своих не узнаешь? Это ж я! – обиделся карлик.

Директор фирмы «Носки секонд-хенд» замотал головой, демонстрируя всем своим видом, что не знает и знать не хочет никакого самозванного «я», а заодно «ты», «вы», «оно», «они» и вообще никаких местоимений.

Босяк опечалился. Он еще пару раз фамильярно назвал дядю Германа братиком, но не встретил родственного отклика. Тогда он вздохнул, поскреб подбородок и стал бить на жалость.

– Ну как же! Я со стороны бабы Рюхи и Шелудивого Буняки! Родная ж, можно сказать, кровинка! – сообщил он, прочувствованно шмыгая носом.

– Не знаю я никакого Рюхина! Убирайтесь! – строго велел дядя Герман.

Карлик не внушал ему доверия. С каждым мгновением Дурнев, обладавший острым чутьем на людей, все определеннее убеждался, что перед ним проходимец.

– Да ты не туда смотри, ты сюда смотри! – засуетился человек, путано, но убедительно чертя что-то пальцем по воздуху. – Вот она, то ись родословная наша: тута баба Рюха и Шелудивый Буняка, тута тетка Хрипуша, тута ее сестры Трясея, Огня и Ледея, а здесь вон плямянник их Пруха. А у Прухи-то сыночек был, Халявий! Припоминаешь? Так я энтот Халявий был и есть!

Дядя Герман сглотнул. Он впервые слышал о бабе Рюхе и Шелудивом Буняке, равно как и о Прухином сыночке Халявии. С другой стороны, что-то подсказывало бывшему депутату, что отвертеться от настырного родственничка будет непросто.

Пока Дурнев пребывал в растерянности, Халявий, не дожидаясь приглашения, быстро опустился на четвереньки, прошмыгнул у дяди Германа между ног и залез перед его супругой.

– Решил я, мамуля, у вас пожить. Не прогоните же, то ись. Совсем у нас плохо стало. Ни тебе кровушки попить, ничего... Прямо хучь здесь ложись и подыхай! – объяснил он, мигая слезящимися глазками.

Однако, несмотря на твердое намерение распрощаться с жизнью, родственничек с каждой минутой все больше распоясывался. Он решительно зашаркал грязными ступнями по дубовому паркету, сунул свою палку за шкаф и, оказавшись у вешалки, по ходу дела вытер нос рукавом норковой шубы тети Нинели.

Дурнева разглядывала карлика со смешанным чувством ужаса и брезгливости. Тем временем Халявий уселся на пол и, с пугающей ловкостью почесав ухо ногой, бессвязно забормотал:

– Вот такая вот, то ись, наша жись! А тот еще колом... колом осиновым поперек спины... Я от кола-то увернулся да его за ногу. А тут второй из ружья как дребезнет, да серебряной пулей! Вот туточки пролетела мимо уха – свирк... А он уж снова приложился и целится! Едва я успел, значить, *Темпора моралес* произнести.

Неожиданно Халявий осекся, встав, вытянулся по стойке «смирно» и, с беспокойством воззрившись на монументальную фигуру тети Нинели, поинтересовался:

– Болтаю, а у самого на языке вертится... Вы-то сами не из циклопих будете, мамаша? Нет? А то у нас в Трансильвании бродят по лесам эдакие фифы, зубы вышибают. Прямо ни-ни – только сунься! Бессмертник Кошечев как-то мимо пролетал, с конского скелета упал, дык едва латы унес.

– Кто циклопиха? Я? Ах ты, секильдявка! – мигом теряя всякую робость, страшным голосом взревела тетя Нинель. Она крайне болезненно относилась к любым намекам на свой вес.

Испуганный родственник задрожал и полез забиваться под шкаф для обуви.

– Ой, страшна, мамаша, страшна! Прямо хоть завтра к нам в Трансильванию! – запищал он оттуда.

Дядя Герман выронил шпагу. При повторном упоминании Трансильвании в мыслях у него смутно начало что-то проясняться.

– погоди, так ты вампир? – спросил он, глядя на развитые глазные зубы выглядывающего из-под шкафа Халявия.

– Да не вампир я! Оборотень! Нехорошо, братец, своих не узнавать! Хоть ты и председатель, и Дракуле родня, да все ж таки нехорошо! – укоризненно произнес Халявий.

Он еще некоторое время посидел под шкафчиком и, убедившись, что тетя Нинель на него не кидается, выбрался наружу. Отряхнувшись, родственник извлек прямо из воздуха короткий нож с широким лезвием и решительно вонзил его в паркет.

– Иная-то шантрапа с медальонами балуется, да только я этих фокусов не признаю! Я уж лучше этак, по старинке! – сообщил Халявий и внезапно, безо всякого предупреждения, с необычайной ловкостью перекувырнулся через нож.

Облезшая волчья шкура, прежде свободно болтавшаяся на плечах, теперь словно приросла к своему хозяину. Лишайчатое лицо вытянулась. Руки удлинились. Ноги же, напротив, стали гораздо короче и покрылись жесткой серебристой шерстью. В следующую минуту потрясенные Дурневы внезапно осознали, что на паркете их квартиры, поджимая уши, сидит и скалится крупный волк.

Тетю Нинель забила такая крупная дрожь, что, чудилось, весь колоссальный правительственный дом затрясся и задрожал с ней вместе. Председатель В.А.М.П.И.Р. схватил с пола шпагу и выставил ее перед собой, на случай, если волк бросится на них. Но оборотень не бросился. Он смотрел на родственников желтыми, несимметричными, словно случайно прорезанными глазами, будто желал определить, кто из двоих аппетитнее. Потом встал и, негромко рыча, направился к тете Нинели. Из его полуоткрытой пасти стекала прозрачная и тонкая, как волос, нить слюны.

Тетя Нинель завопила дурным голосом.

– Мамуль, сколько можно шуметь? Кто там приперся? Вы мне мешаете чатиться!.. Я тут одну девчонку почти убедила, что Гэ Пэ на мне женится! – раздраженно крикнула из комнаты Пипа.

Услышав ее голос, волк повернул голову и замер. В его желтых зрачках мелькнуло что-то похожее на умиление. Забыв об аппетитной тете Нинели, оборотень вновь бросился к ножу и перекатился через него. На полу опять возник Халявий с волчьей шкурой на плечах.

– Пардоньте, что едва не загрыз, мамаша! – извинился он. – Когда обернувшись, я малость не в себе бываю. Вроде я, а вроде и не я. Туман в голове. Если бы Пипочка моя родная голоска не подала, уж и не знаю, что было б.

– Откуда ты знаешь Пипу? – строго спросил дядя Герман. Директор фирмы «Носки секунд-хенд» только что едва не стал вдовцом и теперь размышлял, повезло ему или нет, что все сорвалось.

Халявий застенчиво переступил с одной босой ножки на другую.

– Да тут, то ись, какое дело, братец... Пипу-то у нас в Трансильвании все знают! Такая личность! – сказал он.

– Какая еще личность? – нахмурился Дурнев.

– Да как же! Поговаривают, внучок-то Пипин через две сотни лет повелителем нежити станет! Недавноть на камне судеб буквы, значить, проступили! Большому кораблю, как gritся... А я-то как рад! Родная кровиночка! Тута вот баба Рюха и Шелудивый Буняка, тута тетка Хрипуша. А тута батяня мой Пруха... – пошел по второму кругу Халявий.

– Прекратите нести чушь! Это я уже слышал! – отрезал Дурнев.

– Герман, прогони его! Давай я вызову консьержку! – слабым голосом сказала тетя Нинель.

– Не получится меня прогнать, то ись! Так-то, дорогие мои! Сказал: у вас буду жить – и буду! – замотал головой Халявий.

– Это почему же? – возмутилась Дурнева.

Оборотень показал ей язык.

– Мы с братиком Германом судьбоносцы. Это в мире волшебном у нас все знают. Как на свет появились, уже судьбоносцами были. Это кто-то из рода нашего древнего так наколдовал: ворожейный был род, знатный. Хоть у Рюхи, хоть у Прухи, хоть у Хрипуши спроси – всяк одно скажет, – пояснил оборотень.

В голосе у него была странная убедительность.

– А кто такие судьбоносцы? – обреченно осведомилась тетя Нинель.

– Судьбоносцы, мамаша, это когда две судьбы одной ниточкой, пуповинкой одной связаны. Куда одна судьба, туда и другая. У него плохо – у меня плохо. У меня счастье – у него счастье. Ежели, к примеру, я умру, он и часу не проживет без меня. Так-то вот, мамаша! Вот гляди: меня чуть кольями не прибили и пулями не изрешетили, а у муженька твоего небось в тот же день чего другое было... Не знаю чего, а было... Не могло не быть!

– Президентская охрана... Пропуск в Думу отобрали! О, нет, – простонал дядя Герман.

За спиной у него обрушилось что-то массивное. Это грузно сползла вдоль стены тетя Нинель. Такса Полтора Километра завывала жалобно, надрывно, душераздирающе. Она уже жалела, что дяде Герману не продали яду.

Яду, всем яду! Все смешалось в доме Облонских! Все смешалось и в магическом мире, и в мире лопухоидов, и в моей голове! Ох, угораздило, ну и угораздило же нас родиться на этом стремительно вращающемся безумном шарике да еще и в самый безумный момент его истории!

Просто мамочка моя бабуся, как сказал бы Баб-Ягун!!!

Глава 2

Торт с чумой и прыгающее блюдце

Почему-то часто так случается, что мы вспоминаем о человеке в момент, когда он сам вспоминает о нас. Или звонит, или едет в гости. Но вот Баб-Ягун о нас не вспоминал, не звонил и в гости тоже не набивался. Он стоял перед зеркалом в комнате у Тани и, закатав рукава, разглядывал свои бицепсы. Щеки у Ягуна были толстые, а вот мускулы не слишком внушительные. Вероятно, Ягуну и самому пришлось это на ум, потому что он удрученно спросил:

– Народ, никто не помнит, как мышцы побольше наколдовать?

Таня отложила тетрадь с заданиями по теоретической магии. Она вконец запуталась. Сарданапал велел им составить подробный гороскоп Юлия Цезаря и объяснить все события в его жизни с точки зрения расположения планет. У Тани же с планетами выходила полная неразбериха. Марс, Юпитер, Сатурн и Венера путались как у нее в голове, так и на бумаге. Но противнее всех была Луна. Она вообще издевалась, подмигивая девочке с расчерченного гороскопа и утверждая, что наиболее благоприятный день в жизни Юлия был тот, когда его зарезали. Идеальная же совместимость характеров была у Цезаря только с неким лопухоидом по имени Брут.

– Эй, чего все молчат? Я говорю: надувательное заклинание кто-нибудь помнит? – нетерпеливо повторил Ягун.

– Забудь об этом! – сказала Таня. – Помнишь, Жикин себе мускулатуру наворожил, как у атланта? Ходил крутой, как вареное яйцо! Плечи в дверь не проходили, а через неделю – раз! – сдулся прямо на защите от духов. То-то хохоту было!

– Это не Жикин виноват. Это Поклеп! Он обожает учеников на место ставить. Особенно нас, четвероклассников! Ну погоди, завуч, вот вырасту, стану величайшим магом, встретимся мы тогда в узком переулочке! «Ну здравствуй, – скажу я ласково, – старый мухомор! Кто в юности напустил на меня биовампиров? А психанутого духа? А теперь как насчет экскурсии в мир полтергейстов?» – размечтался Ягун.

Однако мысли о мести надолго не задержались у него в голове. Вместо этого играющий комментатор неожиданно потребовал второе зеркало.

– А что, ты в одном уже не помещаешься? – ехидно поинтересовалась Таня.

– Издеваешься? – оскорбился Ягун. – Я просто хочу на себя сзади посмотреть. Интересно, сзади я такой же красивый, как и спереди, или меня уши портят?

– Красивый, красивый... – поспешно сказала Таня. Признать Ягуна красивым было проще, чем бегать по этажу отыскивать еще одно зеркало.

– В самом деле красивый? А этот прыщик на лбу? Конечно, это всего лишь прыщик, но все же портит он меня или нет? – Разглядывая себя, Ягун прильнул совсем близко к стеклу.

ДЗИААНГАНГГ!

Внезапно из зеркала вырвалась рука со скрюченными пальцами. Она пронеслась сквозь Ягуна и втянулась обратно. Внук Ягге побледнел и отпрянул, ощупывая свою голову. Он никак не мог понять, уцелела она или нет.

– Ты видела, видела? – крикнул он.

Зеркало отразило жуткое перекошенное лицо с распухшим, точно от хронического насморка, бугристым носом. По ту сторону стекла на трехногом табурете сидел сморщенный горбун со светящимися глазами. Скалясь, он скатал отражение Ягуна и, небрежно скомкав его, точно лист бумаги, швырнул Ягуну под ноги. Снова расхохотался. По зеркалу пробежала волна. Горбун исчез.

– Что это было? – прохрипел Ягун с ужасом.

– А-а... Безумный Стекольщик... Горбун с Пупырчатым Носом. Он живет там, в зеркале. Ему, видно, надоело, что ты тут вертелся дольше Гробыни, – пояснила Таня.

– Откуда он здесь взялся? – допытывался Ягун.

Малютка Гроттер грустно посмотрела на вконец запутавшийся гороскоп, прикидывая, не использовать ли *Чукара курачукара*.

– Э-ээ... Стекольщик? Ну вообще-то это я его здесь поселила. Вызывающим заклинанием, – призналась она.

– Зачем? Тебе нравится этот субъект? – со страхом спросил Ягун.

– Ты что, перегрелся? Кому он может нравиться? Я хотела Гробыню слегка проучить. Она вечно перед зеркалом торчит – даже причесаться не дает, – призналась Таня.

– Ты спятила, Гроттер! Он явно из темных духов! Даже хуже... Чур меня, чур! – Ягун с суеверным ужасом смотрел на свое скомканное отражение, таявшее у него под ногами, точно сосулька, брошенная на раскаленную сковороду. Последним исчезло лицо. Новое отражение Ягуна, возникшее в стекле сразу после гибели первого, дрожало, как осиновый лист.

– То-то и оно... Я, понимаешь, когда заклинание произносила, не разобралась, что оно из запрещенных. Буркнула наспех, когда на Склеп злилась, а заклинание возьми да и сработай... Да еще не просто – тремя красными искрами!.. Кто мог представить, что Горбун такой навязчивый окажется? Вызваться он вызвался, а уходить не собирается. Да еще пророчествует по ночам... – пожаловалась Таня.

– А из стекла он того... не вылезает? – поинтересовался Ягун.

– Да нет вроде. Скорее всего, он и не может. Вот только руку иногда высунет или голову. Не нравится мне все это...

– А, ну тогда ладно! – Ягун потряс головой, отгоняя наваждение. – Ты же знаешь: я обычно не слишком себя разглядываю. Сегодня особый случай. Должен я был запомнить себя таким на всю жизнь или не должен?

– С какой это радости? – спросил Таня.

– Как с какой? Пятнадцать лет лбу! Через три дня шестнадцать! – гордо сообщил играющий комментатор.

– Кошмар! Я думала, столько не живут! Ты дряхл, как Готфрид Бульонский! – насмешливо сказала Таня.

Надув губы, Ягун покосился на Таню.

– При чем тут твой Готфрид? У меня день рождения на носу, почти что юбилей, а про это все забыли. Непорядок!

– Ты рано делаешь выводы! Думаю, все еще впереди, – сказала малютка Гроттер.

Играющий комментатор расплылся в широченной улыбке, но, спохватившись, поспешил сделать недовольное лицо. Но Таню было не провести. Она поняла, что Ягун специально разнюхивал: забыли о его дне рождения или нет.

– Ну так и быть... Посмотрим, что там такое. У нас в Тибидохсе как: сам себе подарок не сделаешь – не порадуешься, – заявил он.

– Ягун, не бабьежничай! – возмутился до сих пор молчавший Ванька Валялкин.

Ванька тоже был здесь: кормил червями и жуками полыхающего всеми цветами радуги жар-птица. Прежний птенец давно превратился во взрослую птицу – да еще такую обжигающую, что взять ее можно было только в толстой рукавице. Правда, воспитанный людьми, жар-птиц толком еще не определился, кто он такой, и избегал общества других птиц, предпочитая общество Ваньки или Тарараха. Большую часть дня он проводил, как на насесте, на плече у Ваньки. Чтобы птиц не обжог Ваньку своим хвостовым оперением, Таня поставила ему на майку большую заплату из всегда холодной кожи василиска.

Кожу ей переслал с купидончиком Пуппер, который у себя на туманном острове, изнывая от любви, прикончил одно из этих редких пресмыкающихся. До этого времени василиск,

никому особенно не докучая, мирно обитал в пыльной подвальной комнате и лишь изредка выползал, чтобы заморозить парочку кошек, таких древних, что, по слухам, они принадлежали еще Джейн Остин и все равно скоро бы умерли своей смертью.

Узнав о гибели василиска, отдел по защите магических животных Магшества Продрыглых Магций выразил Пупперу магическое порицание и оштрафовал его на полпуда жабьих бородавок. Событие это вызвало множество откликов в прессе. Грызиана Припятская даже побывала на месте гибели василиска и сделала по зудильнику спецрепортаж. Издательство же, специализирующееся на календариках с Гурием, выпустило по этому случаю книгу.

Накормив прожорливого жар-птица, Ванька пересадил его на плечо Пажу и плюхнулся на кровать Гробыни Склеповой.

Самой Гробыни в комнате не было. Она уже несколько дней подлизывалась к библиотекарю Абдулле, строя планы охмурить с его помощью Пуппера. Старый джинн знал массу запрещенных заклинаний. Кроме того, по Тибидохсу давно ходили слухи, что где-то в глубине его библиотеки скрыты старые книги – такие опасные, что Древнир в свое время приказал их сжечь, но хитроумный джинн предусмотрительно укрыв их в безопасном месте, превратив во что-то незначительное.

* * *

После матча с невидимками, когда Таня, спасая Гурия, забила мяч собственному дракону, в ее жизни что-то изменилось, будто кто-то решительно, не спрашивая разрешения, перевернул уже исписанную страницу. Таня отчетливо осознавала, что с ней что-то происходит, но не могла понять, что, почему и когда этому наступит конец.

Она менялась, перетекала из чего-то или куда-то – именно таким было внутреннее ощущение – и плохо узнавала саму себя. Все валилось у нее из рук. Она даже с горя взялась было за учебу, но и это не заглушало жуткого внутреннего недовольства собой. Недаром Ягге утверждала, что для подростка излишне много копать в себе – все равно что для взрослого пить горькую.

Внешне же глобальная перемена состояла в том, что Таня ушла из драконбольной команды. Она понимала: Соловей никогда не сможет до конца простить, что из-за ее нелепого, непредсказуемого поступка сорвалась мечта всей его жизни – команда не победила в чемпионате и не получила кубок... В те дни, когда она пыталась возобновить тренировки, довольно часто О. Разбойник, не удержавшись, ляпал что-нибудь в таком духе: «Активнее, ребятки! Атакуйте дракона! Нечего с ним нянчиться, это вам не Пуппер!» Более того, острый на язык Соловей шел даже дальше, и часто можно было услышать что-нибудь вроде: «Семь-Пень-Дыр! Чего ты уставился на меня, как Танька на Гурия? Играй давай, шевелись!»

Разумеется, Гробыня, Жора Жикин, Рита Шито-Крыто и всякие прочие зубоскалы немедленно добавляли к этим шуточкам дюжину своих. Таня не отвечала. Ей все как-то стало безразлично. Она и к шуткам относилась, закованная в броню своего безразличия.

Но все равно какие-то, самые злые шутки проникали под нравственную броню, которая только казалась прочной, и разъедали ей душу. Обидевшись на тренера, Таня ушла. Ушла, даже не поговорив с ним, а просто передав Разбойнику через Ягуна записку. После этой записки она дважды ловила на себе за обедом задумчивый и невеселый взгляд Соловья, устремленный на нее с преподавательского столика. Ей казалось, Соловей размышляет, подойти или нет. Но он так и не подошел. Таня тоже держалась в стороне.

Назло Тане, а может быть, и самому себе, тренер пригласил в команду Верку Попугаеву. Всякий раз, стартуя, Верка визжала так громко, что в Тибидохсе дрожали стекла. Попугаева и сама по себе была не прочь повизжать – в данном же случае этот визг был вполне оправдан. Верке достался реактивный пылесос – самый мощный из всех, что можно было

выписать в магазине Мага Зины на Лысой Горе. Стоило чуть-чуть перегазовать или произнести не то заклинание, как пылесос немедленно таранил магический купол. Именно поэтому Верка летала в шлеме Ахилла и нагруднике Патрокла, а на поле дежурили санитарные джинны. В ожидании своего часа они позевывали, поплеывали в пространство и чертили босыми пальцами на песке всякие кабалистические знаки.

Каждый день в четыре часа начинались тренировки, и тогда Таня старалась не подходить к окну или, зная, что это все равно невозможно, силой гнала себя в читальный зал. Там не было окон и вообще мало что было, кроме спертого воздуха, в котором плавала древняя книжная пыль. От пыли щипало в горле и чесались глаза. За стенкой подозрительно сморкался и, изобретая проклятья, бубнил что-то себе под нос джинн Абдулла.

Незадолго до дня рождения Ягуна Таня встретила в библиотеке Шурасика. Первый учебник Тибидохса, занесенный в вечный реестр пятидесяти самых значительных ботаников полунного мира, любил тишину и уединение читального зала, в котором в период между сессиями редко кого можно было встретить. Однако, если Таня пряталась за книгами от самой себя, от собственных чувств и мыслей, для Шурасика библиотека Абдуллы была просто дом родной. Ему единственному из всей школы сумасшедший джинн разрешал ходить между стеллажами, где ему вздумается, и даже забредать в закрытый фонд.

– Все равно от Шурасика ничего не спрячешь! Он дотошный, просто вылитый я! Ненавижу такие мерзкие вьедливые характеры и таких кошмарных настырных типов! – рассказывал всем Абдулла, втайне ужасно довольный, что у него появился такой преемник.

К Тане Шурасик относился неплохо. Всегда пересаживался поближе, когда она появлялась в библиотеке, и галантно осведомлялся, не нужно ли ей что-нибудь записать карандашом. Карандаш у Шурасика был особенный – с грифелем, сплетенным из семи последних солнечных лучей перед полным затмением, – тем самым, о котором упоминается в «Слове о полку Игореве». Заклинания, записанные таким карандашом, не исчезали с бумаги, как это происходило, когда кто-то пытался сделать это гусиным пером или ручкой.

Упомянутый карандаш был из секретных черномagicеских запасов профессора Клоппа, безвременно впавшего в младенчество. Пару недель назад карандашик вместе с другими сокровищами своего предтечи обнаружил малютка Клоппик – и променял Шурасику на жвачку с вечным вкусом, которую уже спустя полчаса потерял, попытавшись накормить ею Сарданапалова сфинкса.

Когда Таня отказалась от карандаша, Шурасик проницательно уставился на нее:

– Гроттер, что с тобой такое?

– Да так, настроения нет, – ответила Таня, думая о драконболе.

– АГА! НАСТРОЕНИЯ! Это потому, что ты тайно влюблена в Пуппера! – авторитетно заявил Шурасик. – Если нет, зачем ты спасла его во время матча? Ну провел бы он пару часов в пузе у Гоярына – не расклеился бы. Пупперы, они прочные!

– Что? Я влюблена в Пуппера? Ты больной! Сиди читай, пока буквы не разбежались от такого психа! – взвилась Таня.

Шурасик поправил очки с толстыми стеклами-лупами – толще стекла были только у Зубодерихи.

– Видишь ли, дочь моя, психология бессознательного – это совсем не то, что психология сознательного, – ничуть не обидевшись, сказал он. – Профессор Зигмунд...

– Клопп? – поразила Таня, от удивления прощая Шурасику «дочь мою». Она и не предполагала, что глава темного отделения еще и литератор.

– При чем тут Клопп? Фрейд! – поморщился Шурасик.

– Никогда не слышала. Он белый маг или темный?

– Фи, Гроттер, как ты невежественна! Он вообще не из нашей тусовки... Если и пользовался магией, то чуть-чуть, чтобы женщины не разбежались. Итак, профессор Зигмунд Фрейд

убедительно доказал, что многие вещи мы желаем помимо нашей воли. И, в частности, желания наши проявляются в снах... – Шурасик снизил голос до интригующего шепота. – Тебе Пуппер по ночам не снится? – быстро спросил он.

– Да вроде нет... Ну, может, пару раз! – растерянно признала Таня.

Почему-то Шурасика она не стеснялась. Во всяком случае, меньше, чем Ваньку или Ягуна. Шурасик был какой-то бесполой. То ли друг, то ли подруга, то ли просто знакомый – не разберешь. Но говорить с ним можно было о чем угодно.

– ВОТ ВИДИШЬ! – обрадовался Шурасик. – А что он делал в твоём сне?

– Да ничего особенного. Просто стоял и укоризненно смотрел... – сказала Таня.

– ЭГЕ! А в другом сне? Ты, кажется, говорила «пару раз»... – въедливо напомнил отличник.

– М-м-м... Сейчас вспомню. В другом сне он летел на метле над Тибидохским рвом.

– О, метла! Ров! Это имеет глубинный нравственный смысл! – оживился Шурасик. – Ты хоть понимаешь, что тебе приснилось?

– Не понимаю и понимать не хочу, – сурово сказала Таня.

Шурасик некоторое время пожевал губами, но не решился ничего вякнуть и пошел на попятный.

– И я не понимаю. Ну метла и метла. Мало ли кому какая чушь приснится? Мне вон вчера кикимора привиделась... Будто она схрумкала атлас звездного неба и распевает скандинавские саги. Вот и я думаю: к чему бы это? У дяди Зиги про кикимору и саги ничего нет. Разве что это какое-нибудь сверхизвращение, – буркнул он.

Минут десять Шурасик, пригорюнившись, молча нависал над столом, не реагируя ни на какие вопросы, а потом, когда Таня уже почти о нем забыла, повернулся к ней и смущенно произнес:

– Послушай... Я хочу сообщить тебе одну вещь... Только поклянись, что это будет между нами. Я так волнуюсь... Ты первая, кому я об этом рассказываю...

Обычно бледные щеки Шурасика запыхали румянцем. Избегая смотреть на Таню, он мял в руках свой блокнотик.

«Только не хватало, чтобы он в меня влюбился! Хотя нет, на него не похоже. Как он может в меня влюбиться? Я же не энциклопедия!» – успокаивая себя, подумала Таня.

– Поклянись я поклянусь. Но без *Разрази громуса*, – осторожно сказала она.

– Мне хватит обычного лопухоидного обещания. Даешь?

– Да чтоб мне не сойти с этого места!

– Хорошо, – кивнул Шурасик. – Я знаю, что тебе можно верить. Ты не проболтаешься, тем более что я вообще-то уже наслал на тебя особый противоболтливый запук. Дело в том, что я... писатель. Непризнанный, но это временно.

– Завидую! А ты уже что-нибудь написал? – испытывая облегчение, спросила Таня.

Шурасик снисходительно посмотрел на нее.

– Разумеется, дочерь моя! Я пишу статьи и посылаю их с купидончиками в «Сплетни и бредни», – заметил он.

У Тани просто челюсть отвисла. Шурасик – и вдруг «Сплетни и бредни»! Гораздо логичнее было бы допустить, что он пишет для еженедельника «Магическое занудство» статьи с названием типа «Декокт из чистого разума». Шурасик же, пишущий для «Сплетен», был нелеп, как семидесятилетний профессор, готовящий статейку в женский журнал.

– И много уже послал? – спросила она.

– Не слишком. Примерно тридцать статей и восемьдесят заметок. Правда, мне пока не ответили. А одному моему купидончику даже пригрозили пулянуть в него запуком... Но вчера я написал кое-что новое, уж это-то точно возьмут. Хочешь покажу? – Шурасик нервно пролистал свой блокнотик.

Найдя нужную страницу, он сунул блокнот Тане, а сам с видимым безразличием окаменел в ожидании оценки.

Мой любимый предмет

Мой любимый предмет – защита от духов. Любимый он потому, что его ведет Поклеп Поклепыч. Он внимательный и чуткий педагог, который принимает близко к сердцу переживания каждого ученика. А еще я люблю пары Безглазого Ужаса и его Историю Потусторонних Миров. Это очень интересно, особенно когда понимаешь, что все, о ком Ужас рассказывает, уже давно умерли. Вот только мне страшно не нравится привычка Безглазого Ужаса снимать во время уроков голову и заливать весь класс кровью. К тому же однажды он подбросил мне в сумку свои внутренности, и это было совсем не смешно.

А еще я обожаю нежитеведение, потому что его ведет Медузия Зевсовна. Она учит нас повадкам нежити и заклинаниям против нее. У Медузии Зевсовны в классе 20 учеников. Каждое утро 20 внимательных глаз смотрят на Медузию Зевсовну...

– Мы что, циклопы? Маловато как-то глаз! – удивилась Таня.

– Как маловато? Ничего не маловато! – обиделся Шурасик.

– Да ты сам посмотри!

– М-м-м... Действительно. Промахнулся слегка... Не придирайся к мелочам, Гроттерша! Писатели такой ерундой не занимаются, для этого есть редакторы! Или читай, или не читай! – обиделся Шурасик.

Решив больше не критиковать юное дарование, которое со злости могло и сглазить, Таня дочитала статью до конца – она завершалась неумеренным восхвалением джина Абдуллы, который именовался королем всех джиннов и отцом гуманности, – и машинально перевернула страницу.

С оборота страница была чистой, зато на соседней каллиграфическими, со множеством завитков, буквами, мало похожими на обычный почерк Шурасика, значилось:

И придут они. И будет их четверо. Первый – яростный и гневный, с тремя лицами под золотой вуалью, приедет на черном коне и привезет с собой страх. Другой – справедливый, с серебряной головой и золотыми усами, будет на пылающей колеснице. Оружием же ему служат молот и топор. Третий, благосклонный, хранитель стад, властитель всех зверей, домашних и лесных. И будет с ним вол в пшеничном яре. Четвертый же, страж, с телом птицы и суровым ликом. Никто не скроется от него.

Они придут за тем, что принадлежало им, и горе всем, если не найдут они чего ищут.

– А вот это ничего! Создает настроение. Даже как-то не по себе стало! – одобрила Таня.

– Правда? Где? – просиял Шурасик.

Он заглянул Тане через плечо и внезапно точно примерз к стулу.

– Я этого не писал! – побледнев, сказал он.

– Разве это не твой блокнот?

– Блокнот мой. Но писал не я... Откуда это тут?

– А я откуда знаю!

Шурасик облизал губы.

– О, я понял: черномагический карандаш! Сегодня ночью мне померещилось вдруг, что я вижу свет и страницы шелестели. Но я думал, это мои подделанные двойки убегают из дневника! Ты же знаешь, я сам ставлю себе двойки, чтобы не возгордиться тем, что я гений! – растерянно сказал Шурасик.

Он впился взглядом в бумагу, но не прочитал и строки, как буквы стали бледнеть и расплетаться. А потом из отдельных фрагментов сложились и проступили вол, молот и топор. В стороне от них, в намеченных черточками ветвях толстого дерева, мелькнуло нечто, похожее на крыло большой птицы. Птица, которую так и не удалось разглядеть, взлетела. Внезапно лист полыхнул холодным огнем и превратился в пепел. Но только он один – остальной блокнотик Шурасика с гениальным творением про двадцать одноглазых учеников остался нетронутым. Хоть сейчас посылай в «Сплетни и бредни».

– Исчезло! Мне казалось, карандаш Клоппа вообще невозможно стереть. Ты хоть запомнила, что там было? – сдавленно спросил Шурасик.

– Приблизительно, – сказала Таня. Она обманывала. Она помнила все до последнего слова.

– А я даже прочитать не успел! – убито произнес Шурасик.

Он начал было приставать к Тане с расспросами, но от любопытства слишком сильно навалился на стол. Стол, и без того перегруженный томами, которые Шурасик натащил со всей библиотеки, рухнул. Опасаясь гнева джинна Абдуллы, Шурасик всплеснул руками и, вскрикивая: «Молоток! Пол-Тибидохса за молоток!» – умчался за домовыми.

Таня собрала свои тетради и поспешила уйти до его возвращения.

«Другой – справедливый, с серебряной головой и золотыми усами, будет на пылающей колеснице. Оружием же ему служат молот и топор...» – вспомнила она. Малютка Гроттер была убеждена, что буквы исчезли не случайно. Надпись карандашом из семи последних лучей должен был прочесть кто-то один. Для повторного прочтения она явно не предназначалась. И этим одним – или, точнее, одной – была она.

* * *

Накануне дня рождения Ягуна Таня, как всегда затянувшая с подарком до последнего момента, спешно размышляла, что бы такого приготовить для внука Ягге. Ее первой мыслью было преподнести ему выписанный по каталогу манок для драконбольных мячей. Этот манок, если верить инструкции, должен был подзывать мячи в воздухе, даже самые шустрые и неуловимые, вроде обездвиживающего.

К счастью, перед тем как дарить манок, Таня догадалась его испытать. Из манка вырвался кошмарный, леденящий кровь звук. Черные Шторы панически замахали кистями. Лежавший в углу хихательный мяч, оставшийся еще с тех времен, когда Таня была в команде, проснулся и сорвался с места. Стараясь улепетнуть от свиста, он расколол стекло и умчался в неизвестном направлении.

– Ничего себе «подзывать мячи!» Да он их распугивает! – воскликнула малютка Гроттер.

Но если манок и распугивал мячи, существовало нечто, что он привлекал. Со всего Тибидохса в комнату к Тане стали стекаться привидения. Вскоре их набилось такое множество, что они то и дело проплывали одно сквозь другое.

– А где мертвец? – вращая головой, как это никогда не сумел бы сделать живой, поинтересовался поручик Ржевский.

Несмотря на то что, по слухам, упорно распускаемым его супругой, он уже был произведен в капитаны, Ржевский упорно носил прежний мундир и иначе, чем на поручика, не откликался. Зато ножей в спине стало как будто меньше. Да и вообще вид у безбашенного призрака был менее запущенный, чем во время холостяцкой жизни.

– Мертвец, говорю, где? В шкаф его, что ли, спрятала? – недовольно повторил Ржевский.

– ??? – Таня не находила слов.

– Разве ты не звала нас на похороны? Ну мы пришли – дальше что? – продолжал напирать призрак.

– Вы в своем уме? – рассердилась Таня.

– Неужели? А мы слышали похоронный призыв. Такой всегда раздается, когда душа отделяется от тела! – пояснила Недолеченная Дама. Она огляделась и, убедившись, что мертвеца действительно нет, разочарованно вздохнула. – Но если никто не умер, тогда мы полетели. У нас мало времени... Кстати, я не говорила, что подаю на развод?

– С поручиком?

– С КАПИТАНОМ! А по внутренним достоинствам ПОЛКОВНИКОМ! – веско сказала Дама. – Мы разведемся, разделим имущество (это интереснее всего, потому что никакого имущества у нас нету), а потом снова поженимся.

– А какой смысл тогда разводиться? – не поняла Таня.

– А эмоции? Ты недооцениваешь эмоции, деточка! Без них жизнь была бы скучна, особенно у нас, у усопших! – укоризненно заявила Дама и медленно просочилась сквозь пол. Остальные привидения печальной вереницей потекли за ней.

Таня задумчиво посмотрела на разрекламированный манок и зашвырнула его под кровать.

– Первое жизненное правило: Гроттер, никогда не заказывай ничего по каталогу! – сказала она сама себе.

Спустя полчаса, запасшись всем необходимым, Таня уже раскатывала по столу в гостиной тесто для пирога Баб-Ягуну. Разумеется, пирог могла приготовить и скатерть-самобранка, но это было бы уже совсем не то. К тому же самобранкам не был известен рецепт пирога в шоколадной глазури и с яблочной начинкой, а Ягун предпочитал именно такие.

Тане помогала круглолицая Дуся Пупсикова. Из всех девчонок белого отделения она была самой хозяйственной. К тому же наглый Ягун ей нравился. Не так, правда, сильно, как Пуппер, но Гурий был далеко, к тому же Дусе он никак не светил, а она была девочка практичная. Малютка Клоппик, невесть откуда пронюхавший о пироге, путался у них под ногами и, в качестве отвлекающего маневра дергая Пупсикову за юбку, пытался стащить банку с повидлом.

Наконец пирог был украшен и посажен в пышущую жаром русскую печь. Проголодавшаяся Таня, пропустившая из-за пирога ужин, нашла на подоконнике тарелку с котлетой и потянулась к ней.

– Эй, чего ты ее лопаешь? Она, во-первых, вчерашняя, во-вторых, холодная, в-третьих, я сам собирался ее съесть! – весело завопил Ванька.

Он только что вбежал в гостиную в отличном настроении и стал показывать самозатачивающийся перочинный ножик, который по его просьбе выковали для Ягуна домовые.

Малютка Клоппик подбежал к печке и быстро отодвинул заслонку. Пользуясь, что внимание Тани и Дуси Пупсиковой отвлечено Ванькой, он зачерпнул ладонью яблочного повидла, проковырял дыру в шоколадной глазури и, хикикая, убежал в неизвестном направлении.

– Вот мерзкий профессор! Никогда не ожидала от Клоппа ничего хорошего, даже когда он был главой темного отделения! – с негодованием произнесла Пупсикова.

* * *

Когда на другой день вечером запыленный и вымотанный Ягун, вернувшись с тренировки, вошел в гостиную, его уже ждали. Когда к нему устремилась целая толпа, играющий

комментатор опешил и заслонился пылесосом. Ему померещилось почему-то, что его будут бить.

– Шестнадцать лет! Виват! Дергай его за уши шестнадцать раз! – закричал Кузя Тузиков.

Сколько Ягун ни отбрыкивался и ни вопил, что уши дороги ему как память, отвертеться от школьного обычая ему так и не удалось. Вскоре его оттянутые уши стали еще более пунцовыми и оттопыренными, чем в предыдущие пятнадцать лет его жизни. Потом Ягуна, уронившего свой пылесос, на руках поднесли к столу и посадили на установленный на столе стул. Здесь, на стуле, как на троне, он и сидел все то время, пока ему вручали подарки.

Подарки были самыми разнообразными: шлем с забралом для драконбола, новая насадка на трубу пылесоса, перочинный нож и целая банка отвратительной слизи кикиморы – подарок Верки Попугаевой. По ее утверждению, запах этой слизи, нанесенной толстым слоем поверх упырьей желчи, отпугивал драконов. На деле же он был так отвратителен, что никто не решался это проверить. Более того, Таня с Дусей Пупсиковой потребовали у Ягуна немедленно убрать эту слизь подальше, чтобы не провонял пирог.

– Ого, какие на пироге дыры! Это так специально задумывалось? – обрадовался Ягун.

– Специально. Это чтобы внутри хорошо пропеклось, – подтвердила Таня, мстительно отыскивая взглядом малютку Клоппика, явно успевшего побывать здесь еще раз.

Однако Клоппик и не думал удирать от возмездия. Вертясь под ногами у старших, он, жутко картавя, громко прочитал детский стишок, неожиданно и даже совсем не в рифму завершившийся новоизобретенным заклинанием *Лиценция поэта!*

Что-то вспыхнуло, заискрило. В воздухе заметались холодные яркие молнии. Все были ослеплены и принялись тереть глаза, что позволило малютке Клоппику утащить связку баранок – один из подарков Ягуну – и скрыться в неизвестном направлении. Малютка явно делал успехи, прилагая все усилия, чтобы со временем вновь стать главой темного отделения.

– Чего-то мне есть хочется! – поигрывая перочинным ножом, деспотически заявил Баб-Ягун.

Он уже начал разрезать прогрызенный вредным малюткой пирог, когда в гостиную неожиданно ввалилась большая группа темных – Семь-Пень-Дыр, Горьянов, Жикин, Гломов, Рита Шито-Крыто и другие. По выражению их лиц и плохо скрытым ухмылкам Таня поняла, что темные явно намереваются устроить скандал.

Гробыня, видно, заранее приготовившаяся, выдвинулась вперед.

– Ну что, Гроттерша, с днем рождения! – вызывающе заявила она.

– Вообще-то день рождения не у меня, – сказала Таня.

– В самом деле? – удивилась Склепова, делая вид, что забыла. – А у кого? У Ягунчика? Ягунчик, лапочка, прости меня! Можно я тебя поцелую?

Гуня Гломов передернулся от ревности. Покачивая бедрами, Гробыня подошла к Ягуну и поцеловала его в щеку. Дуся Пупсикова заморгала, с ненавистью уставившись в стену. Похоже было, она вот-вот разрыдается.

– А теперь подарок! Любишь подарки, Ягунчик? Гуня! Поди сюда! Где то, что я тебе дала? – позвала Гробыня.

Гуня Гломов, все так же хмуро глядя на Ягуна, подошел. В руках у него был деревянный лакированный ящик с серебристой монограммой на крышке, чем-то напоминавший ящики, в которых два века назад хранились дуэльные пистолеты. Ящик выглядел неплохо, хотя было похоже, что ему не одно десятилетие пришлось пролежать в сыром месте или под землей. Во всяком случае, металлические детали позеленели. Дерево кое-где покорибилось от влаги.

– А что там внутри? – спросил Ягун.

– Да так, подарочек... От всего темного отделения, – томно произнесла Склепова.

Ягун принял ящик у Гуни из рук и хотел открыть его. Но не успел он дотянуться до замка, как Гробыня, непонятно улыбаясь, выхватила ящик из рук именинника и сунула его в общую кучу подарков.

– Не надо, лапочка! Это долго! Учти, внутрь можно заглянуть только через год! Запомни – триста шестьдесят пять дней – не раньше! Это очень важно! – сказала она и вернулась к темным. – Гунечка, за мной! Пошли доедим пирог! Посмотрим, чем эти беленькие попытаются отравить нас на этот раз! – скомандовала Склепова, занимая лучшее место на диване в общей гостиной.

Гуня последовал за той, у кого всю жизнь шел на поводу, даже не надеясь на взаимность. Настроение у него почему-то заметно улучшилось.

* * *

Дружеская пирушка затянулась далеко за полночь. Дважды из коридора зловещий, как Летучий Голландец, выплывал Поклеп Поклепыч и пытался разогнать всех по комнатам. Зная, что спорить бесполезно, все делали вид, что расходятся, но уже через несколько минут собирались вновь. Рассвирепевший завуч остался было в гостиной, чтобы подстеречь учеников, но вовремя вспомнил, что оставил русалку в пруду одну, а от одиночества до измены один шаг.

Побледнев, он завернулся в плащ, закружился и, точно пчелами, облепленный красными искрами, немедленно телепортировал.

– Любовь – это белая роза на сером плаще жизни! Здесь же пешком десять минут, а телепортировать в сто раз опаснее! Вот что значит настоящее чувство! – патетично сказала Дуся Пупсикова.

Теперь, когда Поклеп уже никого не подкарауливал, никто не мешал ребятам делать все, что им заблагорассудится.

Рита Шито-Крыто ненадолго скрылась у себя в комнате и вынесла тарелку из черного фарфора. Тарелка была покрыта рунами и кабалистическими знаками. Значения большинства были Тане неизвестны, но даже тех, что она знала, хватало, чтобы сделать вывод: ни один уважающий себя белый маг эту тарелку даже в руки не возьмет. Черные маги – совсем другое дело. У них свои представления о допустимости и недопустимости заигрывания с потусторонними силами.

– Как насчет спиритического сеанса? А, беленькие, в кусты убежать не будем? – нехорошо усмехаясь, предложила Шито-Крыто.

– А кого вызовем? – дрожа в равной мере от страха и от любопытства, спросила Пупсикова.

Перед тем как ответить, Шито-Крыто обвела всех пронизательным взглядом.

– А... Ту-Кого-Нет... Чумиху! – уронила она небрежно.

Демьян Горьянов разинул рот.

– Ту-Кого-Нет? Но она мертва!

– Горьянов, ты туп, как твой пылесос! Спиритические сеансы для того и существуют, чтобы общаться с духами. Поболтать с живыми можно и по зудильнику, – отрезала Рита. – Ну так как, беленькие? Вызываете с нами Чумиху, или кишка тонка?

Все загалдели разом. Вызвать Чумиху! Такое могло прийти в голову только непредсказуемой Шито-Крыто! Однако никто из тех, кто был в гостиной, не отказался. Ни у кого не было желания прослыть трусом. Только Шурасик попытался было уклониться, но после передумал и остался. Любознательность пересилила в нем страх.

Потребовав погасить весь огонь, Рита зажгла две свечи и поставила тарелку на стол в круг из начертанных букв.

– А теперь все садитесь вокруг стола и беритесь за руки... Готово? Отлично! Представьте себе Чумиху... И не размыкайте рук, а то мы потеряем контакт! – распорядилась она.

По желтоватому лицу Шито-Крыто бродили зловещие тени. Большой нос нависал над губой, как у ведьмы. М-да, в лопухоидном мире она точно подрабатывала бы предсказаниями.

Как там тискают в своих газетках лопухоиды?

Мощный приворот на крови. Верну мужа в семью, пожизненно привяжу его к дому. Сделаю полную отстуду от соперницы, вплоть до ненависти. Все оккультные услуги. Гарантия 300 %. Скидка по кредитным картам, по понедельникам и девушкам до 25 лет без предъявления паспорта.

Магистр черной магии Анастасий.

– Дух Чумы-дель-Торт! Мы вызываем тебя! Приди к нам! – звенящим от напряжения голосом произнесла Рита. Ее перстень выбросил красную искру.

Таня сидела между Ванькой и Баб-Ягуном. Ладонь играющего комментатора была гораздо крупнее ее собственной. Маленькая Танина рука буквально утопала в ней. Ладонь же Ваньки – не такая огромная, как у Ягуна, – была на ощупь теплой, почти горячей. Рядом с Ванькой и Ягуном Таня уже не боялась Чумы-дель-Торт.

Девочка изо всех сил старалась не представлять себе мертвую старуху, но против ее воли лицо с лохмотьями висевшей на нем кожи встало перед ней. Тане чудилось, что убийца ее родителей грозно и многозначительно ухмыляется. Зыбкое лицо Чумы-дель-Торт висело над дрожащим огоньком ближайшей свечи. И самое ужасное, что Чуму, казалось, видела только она одна.

Остальные лишь шурились на огонь, не замечая лица старухи, которое стало уже почти отчетливым. Ужас удавкой сдавил ей горло. Вязкий и липкий взгляд старухи, как и при жизни, сковывал и замораживал ее. Таня до боли стиснула Ванькину ладонь. Валялкин удивленно оглянулся. Его большой палец вопросительно и одновременно ободряюще коснулся Таниного мизинца. Девочке стало немного легче.

– Дух Чумы-дель-Торт! Ты уже здесь? – снова крикнула Рита.

Призрачное лицо, которое видела одна лишь Таня, исказилось в ухмылке. Казалось, Чуму позабавило, что ее зовут, когда она уже здесь. Круглый стол начал мелко дрожать. Перевернутая тарелка запрыгала, касаясь написанных вокруг нее букв.

– Та-Кого-Нет, готова ли ты отвечать на наши вопросы? – дрожащим от волнения голосом спросила Рита.

Тарелка отчетливо показала на одну из букв, на секунду замерла и вновь начала, позванивая, подсказывать.

– «Д»... А теперь «у»... Нет, «а». Чумиха ответила «да»! Она согласилась! – шурясь, прошептал столь же близорукий, сколь и болтливый Кузя Тузиков.

– Дух Чумы, приоткрой нам завесу времен! Должно ли вскоре случиться что-нибудь необыкновенное? – возвысила голос Шито-Крыто.

Черная тарелка вновь начала подпрыгивать.

– П... о... с... Это что – «в»? Нет, все-таки ближе к «о». Какой-то «посо»... – сказал Кузя Тузиков.

– Последняя «х». Посох! – поправила Рита.

Тяжелые веки на тронутом тленом лице Чумы опустились, а потом сразу поднялись. Таня поняла, что Шито-Крыто угадала верно.

– «Посох»? Это палка, что ль, такая? Ну и дальше что? При чем тут посох? – раздраженно спросил Баб-Ягун. Он не видел того, что видела Таня, и потому гадание казалось ему блефом.

Прыгающее блюдце – подумаешь! Фокус на уровне первого года обучения, когда начинают проходить заклинания элементарного телекинеза, типа *хан-цан*.

– Откуда я знаю, что она имела в виду? Видишь, тарелка уже не дрожит! Значит, она уже дала ответ! – огрызнулась Рита.

– Спроси еще раз!

– Второй раз духов не спрашивают! Духи очень легко выходят из себя! Особенно *такие!* – бледнея от ужаса, сказал Шурасик. Если бы Семь-Пень-Дыр и Гуня крепко не держали его за руки, мешая разорвать круг, отличник наверняка бы уже слинял, сославшись на архиважные дела.

Шито-Крыто задумалась, размышляя, о чем спросить Ту-Кого-Нет.

– А еще что-нибудь случится? Важное для кого-нибудь из нас? – произнесла она.

Стол, некоторое время оставшийся неподвижным, затрясся. Похоже было, что под Тибидохсом, за Жуткими Воротами, вновь пробудился хаос. Тарелка, постепенно ускоряясь, запрыгала по кругу из букв с такой стремительностью, словно Чума была вне себя.

– «Т»... Это точно «т»... Теперь «о»... То... Снова «т». Тот... Она сказала «тот»! – заикаясь, начал Кузя.

– Ты тормозишь, Тузиков! Я сама! – перебила его Рита. Шито-Крыто вскочила, заставив подняться сидевших рядом с ней и не отрывая взгляда от блюдца. – «Тот... кого... по-настоящему полюбит...» – прочитала она.

– К чему это? Кто полюбит? – нетерпеливо спросила Склепова.

Тарелка подскакивала уже как безумная. Было непонятно, как Ритка вообще успевала замечать, каких букв касалась стрелка.

– «Таня... Гроттер...» – удивленно произнесла Рита, не отрывая взгляда от блюдца.

– Ты уверена?.. Гроттерша? Да кому она нужна? Кого она полюбит? – забеспокоилась Гробыня, вспоминая о Пуппере.

Внезапно тарелка остановилась. Стол, до того сотрясавшийся как в лихорадке, перестал дрожать.

– А дальше? Что сделает тот, кого полюбит Гроттерша? – с любопытством поглядывая то на Таню, то на тарелку, поинтересовалась Верка Попугаева.

– Откуда я знаю?.. Шурасик разомкнул руки! Я же говорила: нужен непрерывный контакт! Гломов, займись! – рассердилась Рита.

Гуня поймал взмокшую ладонь Шурасика и сдавил ее точно в тисках. Шурасик пискнул от боли. Зыбкий силуэт, сотканный из свечного пламени и дыма, вновь начал обретать очертания.

Пустые глазницы Чумы-дель-Торт устремились на Таню. В глубине пустого черепа мертвой волшебницы полыхал негасимый огонь.

– «Пре... предаст ее!» – дочитала Рита.

Тарелка подпрыгнула в последний раз – подпрыгнула очень высоко – и, упав на стол, раскололась. В гостиной повисла вдруг такая тишина, что стало слышно, как где-то высоко, едва ли не на самом верху башни, в окно бьется нетопырь.

– Ого! Гроттершу предадут! Хоть одно приятное известие. Жизнь, если разобраться, полна мелких радостей и не менее мелких гадостей! – прокомментировала Склепова, первой пришедшая в себя.

– Это ложь! Неправда! – крикнула Таня.

Она ударила по свече. Свеча упала и погасла. Призрачное лицо, сотканное из огня и дыма, дрогнуло и исчезло. По гостиной прокатился сухой и шуршащий, точно сыпавшийся горох, хохот мертвой чародейки Чумы-дель-Торт.

– Неправда! Никто меня не предаст! Особенно тот, кого я люблю! – крикнула ей вслед Таня.

Чума не ответила. Ее хохот становился все тише, все отдаленнее.

– Гроттер, чем ты, интересно, занималась на защите от духов? Вспомни лекцию Поклеп Поклепыча от двенадцатого декабря прошлого года. Духи никогда не обманывают! Они не могут! Мертвые куда честнее живых! Это факт, который не подлежит сомнению, – назидательно сказал Шурасик, выживая из воздуха толстую тетрадь конспектов.

Он был уже не такой зелененький – видно, постепенно приходил в себя.

– Обрати внимание: страница тридцать девять, пятый абзац сверху... А мне почему-то казалось, что шестой. Вот что значит склероз! – огорчился Шурасик, поднося тетрадь к самому Таниному носу.

Ванька бесцеремонно оттолкнул Шурасика.

– Сам ты вспомни лекцию от двенадцатого декабря прошлого года! А заодно вспомни, как больно получить в нос во все числа любого месяца! – заявил Ванька.

Шурасик пожевал губами, ничего не ответил, но на всякий случай записал эту новую для себя мысль в блокнотик нестирающимся черномагическим карандашиком.

Гробыня Склепова подняла свечу и задумчиво ковырнула ногтем оплывший воск.

– Значит, Гурий скоро тебя предаст... Ай-ай-ай, какая жалость! Гроттерша, прими мои самые искренние соболезнования. Надеюсь, что я успею еще поменять прическу, прежде чем произойдет это кошмарное событие! – сказала она.

Почему-то Гробыне даже в голову не приходило, что любить можно не только Пуппера.

Глава 3

Полуденный бес и дурная наследственность

Халявий остался жить у Дурневых. Вначале его пытались поселить на лоджии, где прежде обитала Таня, но в первую же ночь оборотень поднял такой вой и так скребся в дверь, что больше этот опыт не повторяли. Несчастный же генерал Котлеткин, которому до рассвета не давали спать кошмарные звуки явно потустороннего происхождения, наутро едва не впал в расслабление и стал всерьез задумываться, не бросить ли ему все махинации и не перейти ли в одну из оккультных сект на должность старшего помощника младшего жреца.

После этого печального опыта на лоджию оборотня уже не выпроваживали, а переселили в одну из свободных комнат поменьше, которую проще было убирать, когда он превращался в волка. Комната имела крепкую дверь и надежный замок, что для Дурневых было немало важно. Пипа, все еще сводившая счеты со своими мягкими игрушками, изредка забавы ради бросала одну или две в комнату к Халявию, наутро находя их растерзанными, с выпущенной ватой и выпотрошенным поролоном, а самого родственничка бабы Рюхи уныло сидевшим на полу, уже не в волчьем, а в человеческом обличье.

– Совсем, то ись, грустно... Вцепишься – и разочарование! – говорил оборотень, счищая с зубов вату.

Дядя Герман по утрам уезжал в свою фирму «Носки секонд-хенд», а во второй половине дня в коммерческий банк, с которым давно, еще в бытность депутатом, плотно вел дела. В коммерческом банке он служил чем-то вроде визитной карточки. В его негласные обязанности входило один-два раза будто случайно заглянуть в кабинет к директору, когда там бывали важные клиенты.

Вселяя в их сердца суеверный ужас, одиозный политик позванивал шпорами и поправлял на лысеющей макушке корону. Дела банка стремительно пошли в гору. «Дойные коровы» банка, даже самые мафиозные, стали тихи и послушны. Задолженности исчезли вовсе. Служба внутренней безопасности банка, прежде занимавшаяся неплательщиками, теперь лишь парковала машины, а ее начальник, отставной полковник органов, меланхолично раскладывал на компьютере вдовий пасьянс.

Первые день-два тетя Нинель не могла спокойно смотреть на Халявия. Стоило ей увидеть его грязные ноги, как ее начинала бить нервная дрожь. Но так было только вначале. Потом она все-таки загнала карлика в ванну, где едва не утопила его в пене, но добилась того, что пахнуть он стал вполне терпимо, а грязь отскоблилась. Однако, пока его мыли, Халявий выл так душераздирающе, что Айседорка вызвала домовую охрану, заявив, что в квартире у Дурневых кого-то пытаются.

Постепенно тетя Нинель привыкла к оборотню и даже по-своему привязалась к нему. Не прошло и недели, а между ними царило уже полное согласие, вызванное глубинным внутренним родством натур. Дядя Герман начинал смутно ревновать, тем более что Халявий был отдаленно похож на него в профиль. Шелудивый Буняка и Хрипуша внесли-таки свою лепту в их общие гены.

Обычное утро в квартире Дурневых начиналось так. Дядя Герман отвозил Пипу в школу и уезжал сам, а тетя Нинель сидела на кухне и колдовала что-нибудь на тему диетического завтрака, плавно перетекающего в условно диетический обед. Халявий, бледный после бессонной ночи (ночами он предпочитал выть), притаскивался и усаживался рядом.

– А мне что делать? – скучая, спрашивал он.

– Что хочешь! – разрешала тетя Нинель, радуясь хоть такому обществу.

Оборотень скреб заросший щетиной подбородок и капризно требовал:

– Мне, то ись, нужно какое-нибудь несложное, но успокаивающее занятие.

– Какое же, Халявочка? – ласково спрашивала тетя Нинель.

– Ну не знаю... Можно я буду разматывать рулончики с туалетной бумагой? – неуверенно спрашивал оборотень.

Тетя Нинель, приученная своим мужем и не к таким странностям, обычно соглашалась. Она сидела за столом и вкушала индейку с ананасами, а Халявий, примостившись рядышком на табуретке, забавлялся с туалетной бумагой.

Аппетит у оборотня был скверный. Есть он мог только вечером, только сырое мясо и в очень небольших количествах.

– Ну прямо как мой Германчик! – умилялась Дурнева, находившая у своих «мущинок» все больше приятных сходств.

Иногда тетя Нинель отправлялась в супермаркет за покупками, Халявий же оставался в квартире. На улицу он упорно не выбирался, да и вообще у Дурневых нередко складывалось впечатление, что оборотень от кого-то скрывается.

Однако наступил день, когда тетя Нинель убедилась, что ее муж, хотя и имеет свои невинные странности, вроде того, что воображает себя кроликом и спит в сапогах, все-таки выгодно отличается от своего трансильванского родственника.

Как-то около полудня, когда тетя Нинель, только что приехавшая из супермаркета, поворачивала ключ в замке, она услышала серию негромких хлопков. Не понимая, что происходит, она потянула дверь и успела увидеть, как из спальни вырвался холодный белый огонь. Когда он опал, наружу шагнул закопченный Халявий, держащий в руке обугленную упаковку спрей-дезодорантов. Тетя Нинель, женщина широкая во всех смыслах, никогда и ничего не покупала помалу.

– Я Герострат! Я спалил храм Артемиды! – выл Халявий.

Заметив мадам Дурневу, он небрежно швырнул в нее баллончиком и, заламывая руки, возопил:

– Вяжи меня, человеце, и скидывай с Тарпейской скалы! Смерть мне не страшна! Это сделал я, безумный Герострат!

Не слушая его, тетя Нинель метнулась в спальню. Одеяло чадило. На полу валялась ножка от табуретки, превращенная в факел. Ножка почти уже прогорела. Вероятно, безумному Герострату пришлось долго поджаривать упаковку, прежде чем он добился желаемого результата. Кожаные кресла пахли паленой дохлятиной. По обоям мечтательно плясал синий огонек.

Предотвратив пожар, тетя Нинель в ярости выскочила из спальни. Безумный Герострат стоял в большой комнате, задумчиво озирая мебель. Кажется, он соображал: не стоит ли для верности присовокупить к храму Артемиды парочку построек поскромнее?

Услышав за спиной топот, оборотень обернулся.

– Наконец ты пришел к Герострату, гонец! Долго же ты заставил себя ждать! Знай, я готов принять любую кару, кроме забвения! – возгласил он с надрывом.

Дурнева с перекошенным лицом занесла над его головой пудовый кулак.

– О, что-то новенькое! – удивился безумный Герострат. – Я думал, меня сбросят с Тарпейской скалы! Что ж, мне все равно! Верши свое черное дело, палач!

Кулак обрушился на макушку оборотня. Разъяренная Дурнева замахнулась во второй раз и... внезапно обнаружила, что лежит на полу. Чья-то твердая рука взяла тетю Нинель за плечо и помогла ей подняться. Халявий подул на палец, по которому плясали синеватые молнии.

– Мерси, мамуля! Это меня отрезвило! – сказал он. – Но в следующий раз не надо ударять меня так сильно. Вполне достаточно шлепка книгой или ладонью. Главное, чтобы он пришелся возможно ближе к макушке. Это принципиально! В другие места можно не бить!

– ТЫ ЕДВА НЕ УСТРОИЛ ПОЖАР! – зарычала тетя Нинель.

– Пардон! Это был, то ись, не я! – возразил Халявий.

– А КТО?

– Полуденный бес, мамуля!.. Трясея, сестра бабкина, горяча была на язык. Сглазила меня ишшо малюткой! – жалея себя, всхлипнул Халявий. – Таперича, бывает, как полдень, он в меня вселяется. Пряма сам не соображаю, что творю. Вон и тогда – прихожу в себя, а за мной с колями да с пулями серебряными уж гонятся! Пришлось, то ись, *Темпора моралес* говорить да к вам, родненьким, под крылышко перебираться! – виновато пряча глаза, пояснил Халявий.

– А этот, полуденный твой, он всегда пожары устраивает? – хмуро осведомилась тетя Нинель.

– Как ему заблагорассудится, мамуля. У беса-то настроений много, а под каждое настроение и личность находится. Когда я Герострат, когда Нижинский¹ а когда ишшо кто-нибудь... Я уж и не знаю, – пожал плечами Халявий.

– Отлично! Раз ты не знаешь, так кто знает? И сколько у тебя всего личностей? – с горечью воскликнула тетя Нинель.

Она рухнула на желтый диван с механизмом «гармошка» и, удрученно подперев голову пухлыми ладонями, устала на Халявия. Оборотень мялся, как красная девица, и ковырял большим пальцем ноги ворс ковра.

– Ты, то ись, имеешь в виду, когда у меня едет крыша? – спросил он, отрываясь от своего занятия. – О, довольно много! Примерно с десятков основных и еще три-четыре таких, что проклеваются время от времени.

Потрясенная тетя Нинель замычала. Она грузно встала, подошла к бару и, достав бальзам «Счастье домохозяйки», отхлебнула из горлышка.

– Ум-м-м. И сколько из них буйных?

– Таких, когда я становлюсь опасен? Представления не имею, мамуля. Всякий раз после раздвоения у меня происходит выпадение памяти... Ну прямо как у вас, лопухоидов, с перепоею.

Тетя Нинель пошатнулась. Слабоалкогольное и шипучее «Счастье домохозяйки» вспенилось ей в нос.

– А вот намеков не надо!.. И почему я тебя не прогоню? Не выставлю за дверь? – сокрушенно спросила она.

– Судьбоносцы, мамуля, судьбоносцы... Там на небе ить тоже не бублики сверлят. Это мы тут ничего не знаем, а они там все знают, обо всем ведают. Так-то, мамуля, – сказал Халявий, успокаивающе похлопывая тетю Нинель по коленке.

* * *

Через три дня утром тетя Нинель повезла Пипу на киностудию на пробы. Компания «Мыльница» собиралась снимать сериал по «Дюймовочке» и подбирала юных актеров на главные и второстепенные роли.

– Тебя должны взять, Пипочка! У тебя такое выразительное лицо, такой умный взгляд. Сразу видно, что ты из хорошей семьи. К тому же ты уже успела примелькаться. Совсем недавно журнал «Wanted!» вышел с твоим фото на обложке, – убеждала дочку тетя Нинель.

– Меня потом два раза останавливали на улице! – плаксиво сказала Пипа.

– А ты как хотела? Антиреклама есть антиреклама. Упал с самолета – учишься летать! – Тетя Нинель облизала губы, пытаясь припомнить что-то важное. – Ах да, Пипа! Вот о чем я тебя хотела попросить. Умоляю, не болтай лишнего, а то ты как ляпнешь чего – уши вянут!

– Щас! Пряма так и буду сидеть молча! – огрызнулась Пипа. – Пусть попробуют не взять меня на роль – я им эту Дюймовочку да из трехдюймовочки! Паф-паф!

¹ Нижинский Вацлав (1889–1950) – русский артист балета, балетмейстер. Ведущий танцовщик и хореограф в «Русских сезонах» и в балетной труппе С. П. Дягилева.

Пипа и тетя Нинель уехали. Примерно через час дядя Герман стал собираться на деловые переговоры. Он побрился, побрызгался дезодорантом, надел красный пиджак и желтый галстук и уже натягивал сапоги графа Дракулы, как вдруг из коридора явственно донесся какой-то шум.

Халявий, до того спокойно сидевший на ковре, внезапно насторожился, сделал умоляющее лицо и на четвереньках побежал куда-то. Пожимая плечами, Дурнев, как был в одном сапоге, выглянул в коридор и оледенел. Прямо на его глазах сквозь входную дверь спиной вперед протиснулись двое мужчин. Вероятнее всего, они использовали *Туманус проимыгус*, но Дурнев-то об этом не знал.

Первый из двух незваных гостей был уже седой, с бугристым носом и узким, точно щель почтового ящика, ртом. Позади него, перегораживая прихожую квадратными плечами, возвышался атлетический, почти двухметровый верзила с мощными надбровными дугами и неразвитым подбородком.

На плащах у обоих погасали красные искры – верный признак того, что они недавно применяли пространственное заклинание. Заметив дядю Германа, гости приветственно осклабились. Дурнев невольно обратил внимание, что их глазные зубы значительно выдаются вперед.

– Вы Герман Дракула IV? – деловито поинтересовался седой. – Очень приятно! Нам необходимо поговорить с вами. Не пытайтесь бежать, это бесполезно!

Дико замычав, Дурнев хотел захлопнуть дверь в комнату и схватить шпагу, но опоздал. Узкоротый в тот же миг сунул в проем ногу, а громила подхватил депутата в охапку и, не церемонясь, втащил его в гостиную. Здесь он с размаху посадил дядю Германа на диван, а сам отошел на пару шагов и огляделся.

В гостиной, кроме них, никого больше не было. Халявий исчез. Дурнев случайно заметил, что на ковре рядом с маленькой тумбочкой, где тетя Нинель хранила журналы по фитнесу и брошюрки «Как сбросить вес», валяется несколько выпавших газет. Сложно было даже допустить, чтобы взрослый человек забрался в такую небольшую тумбочку. Разве что карлик...

Узкоротый, укоризненно поблескивая слезящимися гриппозными глазками, уселся в кресло и закинул ногу на ногу.

– Перейдем сразу к делу, – сказал он. – Я Малюта Скуратофф, верховный судья Трансильвании и хранитель реликвии. А это Бум. Бум... как бы правильнее выразиться... мой помощник. Он помогает мне в щекотливых миссиях, с которыми я сам, обладая слабым здоровьем, могу не справиться.

Детина ощерился. Что это могут быть за щекотливые миссии, прочитывалось на его физиономии.

– Разумеется. Он отрывает у бабочек крылышки и таскает за вами зонтик, – съязвил дядя Герман, которого бесило, что с ним, председателем, вампиры обращаются так бесцеремонно.

Оба упыря пропустили слова бывшего депутата мимо ушей.

– Господин председатель, давайте сразу уладим все недоразумения! Мы пришли за Халявием. Нам известно, что он скрывается здесь, – напористо продолжал Скуратофф.

– В самом деле? А мне об этом почему-то неизвестно! – заявил дядя Герман. Он справедливо заключил, что, если бы вампиры точно знали, что оборотень у него, они устроили бы обыск, не пререкаясь.

Бум привстал. Его тупое лицо не выражало ничего хорошего.

– Не отпирайся, умник! Думаешь, как мы сюда попали? Мы встали точно в его следы, произнесли *Темпора моралес* и переместились. Нас зашвырнуло на твою площадку. Чем ты это объяснишь, а? – прорычал он.

Дядя Герман неуютно задвигался на диване, ощутив сырость той самой частью тела, которой думали динозавры. Пипа имела скверную привычку забывать в самых неподходящих местах чашки с чаем.

– А, так вот вы о чем?.. Ну и что из того? Да, какой-то странный тип приходил сюда несколько дней назад. Выдавал себя за моего родственника. Но я прогнал его, – пожимая плечами, сказал Дурнев. Годы политической карьеры научили его многому: он врал легко, убедительно и влет.

– Это правда? – недоверчиво спросил Малюта Скуратофф. – Если он здесь, вы должны нам сказать. Это не простой оборотень, иначе мы махнули бы на него рукой. Он очень опасен. Настоящий псих. Он украл у нас одну очень нужную вещь и был приговорен за это к смерти. К сожалению, ему удалось ускользнуть. Но это временно. У нас длинные руки. И не только руки!

Глазные зубы верховного судьи сверкнули, раздвинув губы.

– Вот-вот! – добавил верзила. – Если ты думаешь, лопухоид, что он поможет тебе сказочно разбогатеть, ты надеешься напрасно. Хотя его магия это и позво...

– Бум! Ты думаешь, *что* говоришь и *кому* говоришь? – рявкнул его спутник.

– А мы ему память сотрем. А можно и так, без магии. Подсобными средствами, – виновато пробасил Бум, сжимая и разжимая свой чудовищный кулак.

Дурнев, от которого не укрылась эта перебранка, заинтересованно наострил уши. Если еще минуту назад он прикидывал, не сдать ли вампирам родственничка, чтобы они благополучно свалили вместе с ним, то теперь его планы изменились. Он дорого бы дал, чтобы узнать, *что* позволяет магия Халявия.

– А я откуда знаю, где ваш оборотень? Вы что, белены объелись? Вторгаетесь ко мне и прямо с порога начинаете хамить! – плаксиво воскликнул он, уныло поглядывая на шкаф, в котором была спрятана шпага. Интересно, успеет он туда добежать?

Заклокотав от ярости, Бум схватил Дурнева за шиворот и стащил с дивана. Ноги бывшего депутата повисли в воздухе. Шестое чувство подсказало дяде Герману, что из него будут вытрясать пыль.

– Эй, верзила! Только не по носу! Нос у меня слабый! – быстро заявил председатель В.А.М.П.И.Р.

– Спасибо, что подсказал! Именно с носа я и начну! – поблагодарил Бум и размахнулся. Дурнев зажмурился.

– Не смей, Бум! Это все-таки наш председатель! Надо уважать начальство! – услышал он окрик Скуратоффа.

– Настоящим председателем он станет, когда загрызет своего первого лопухоида! А пока я его поучу. Я чувствую, что он врет. У него рожа хитрая. Ненавижу хитрые рожи! – прорычал верзила.

– Бум! Я кому говорю? Это не простой лопухоид! В его жилах течет благородная кровь графа Дракулы! Или ты его отпустишь, или... – В голосе Малюты появилась явная угроза.

Верзила с сожалением разжал руки. Дядя Герман благодарно рухнул на ковер. Сказав самому себе: «Глазки закрывай, баю-бай!», Дурнев растянулся на полу, перевернулся на спину и картинно сложил на животике ручки.

– Я вас в упор не вижу! Вы нули в квадрате, если так обходитесь со своим председателем! – сказал он капризно.

Верховный судья Трансильвании взглянул на медальон, висевший у него на груди. Он был иным, чем у оборотней, с которыми команда Тибидохса некогда сражалась на драконьем поле. Медальон Малюты походил на хрустальный шар, внутри которого находилось пурпурное сердце. А что крошечное сердце было живым, Дурнев готов был поручиться. Мертвые сердца не бьются. Это же не просто билось – оно металось внутри шара, словно надеясь разорвать хрустальные стенки талисмана. Малюта взял медальон за цепочку и поднял его на уровень своих глаз. То, что он увидел, ему не понравилось. Лицо его скривилось, точно от зубной боли.

– Бум! Ты это видишь? У нас мало времени! Обыщи тут все! Найдешь Халявия – не убивай его! Мы должны узнать, куда он спря... – Малюта с подозрением взглянул на дядю Германа. – Что же ты стоишь, Бум? Оглох? Ищи!

Верзила рывком приподнял стол и заглянул под него. Ничего не обнаружив, он пожал плечами и отправился в комнату Пипы. Последовательно, комната за комнатой, обыскав всю квартиру, он вновь вернулся к Малюте и дяде Герману.

– Никого, шеф! Одна какая-то чокнутая такса. Хотел прибить, но вспомнил, что я с детства люблю собачек. Да и вообще она убежала, – сообщил Бум.

– Ну вот, видите! Я же говорил: никто у меня не прячется! Это вам, молодые люди, урок! Всегда верьте государственным чиновникам! – обрадованно заявил дядя Герман.

Внезапно пульс у него участился. Он заметил, что взгляд Бума скользнул по шторам и задумчиво остановился на тумбочке. Вполне логично предположив, что именно должно теперь произойти, дядя Герман быстро поднялся с ковра, пересек комнату и будто случайно загородил шкаф, находившийся в противоположной части комнаты. Это не укрылось от зоркого верховного судьи.

– АГА! Бум, посмотри в шкафу! – приказал он.

– Эй ты, верзила, даже не думай! Там только вещи! – завопил Дурнев.

– В самом деле? – подобострастно закивал Скуратофф. – Разумеется, мы вам верим, господин председатель, но все же... Бум, роднуля, делай, что я сказал!

– А ну брысь, лопухойд! С дороги! – прохрипел «роднуля» Бум.

Вены на его висках вздулись, а глазные зубы выступили так сильно, что стали похожи на небольшие стилеты. В болоте памяти дяди Германа на поверхность выплыл не то саблезубый тигр, не то камышовый кот.

Оттолкнув самого доброго депутата, гигант распахнул дверцу.

– Ну, посмотри, кто там есть... Вылезай! А-а-а-а-а!

В комнате сверкнула белая молния. Отброшенный неведомой силой, Бум грузно рухнул на пол. Бывший депутат исторг радостный вопль. Его шпага, его могучее оружие, была выпущена на волю! Мгновение спустя она уже сияла в руках у дяди Германа, разливая ослепительный свет. Бум и Малюта Скуратофф с ужасом уставились на нее, заслоня ладонью глаза от ее режущего света. Дядя Герман ощутил, как его цыплячья грудь наполняется мужеством. Теперь он был уверен, что справится с десятком вампиров. Что там с десятком! С сотней!

– Шеф, говорил я: не надо было ее вообще посылать лопухойду! Ни сапоги, ни корону – ничего! – пятясь, прохрипел Бум.

– Ты соображаешь, о чем говоришь? Нарушить завещание графа? Знаешь, чем это грозит? Я и так затягивал процедуру передачи, сколько мог, – огрызнулся Скуратофф.

Дядя Герман взмахнул шпагой. Вампиры отпрянули.

– Вон отсюда! – приказал Дурнев, добавляя в голос благородного металла.

– Ладно, мы уходим!

Верховный судья снял с шеи медальон и очертил им на ковре мгновенно засиявший круг. Шагнув в него, Бум и Скуратофф запагнулись в плащи и стали быстро вращаться. Красные искры, отрывавшиеся от их медальонов, прилипали к плащам.

– Мы связаны одной цепью! Запомни навек: в сакральном мире некто, кого нельзя постичь, стоит за сутью вещей и дергает за незримые нити, – сказал Скуратофф, на мгновение останавливаясь и недружелюбно уставившись на Дурнева.

– Чего-чего? – недоуменно переспросил дядя Герман.

– Шеф, типа, имел в виду, что мы еще вернемся! Я лично оторву тебе руки и ноги! Только выберу момент, когда ты будешь без шпаги, лопухойд! – очень понятно объяснил Бум.

Произнеся эту вполне определенную угрозу, верзила исчез вместе с верховным судьей. Дядя Герман опустился на корточки и осторожно потрогал ладонью ворс ковра в том месте, где только что стояли вампиры. Он был такой же, как и везде. Мерцающее сияние исчезло.

Дверца тумбочки открылась. Оттуда в листопаде старых журналов вывалился скрюченный Халявий. Бедняга, вынужденный сложиться едва ли не вчетверо, теперь никак не мог разогнуться.

– Эти негодяи уже ушли? – воскликнул он картавящим баритоном. – Ни минуты покоя! Я не могу провести ни одной репетиции без того, чтобы эти назойливые поклонники не приходили паяться на меня! Противные! Дягилев, друг мой Дягилев, как мне не хватало твоего мужественного плеча!

Дядя Герман ошарашенно заморгал. Не успев подняться с ковра, он тупо смотрел на своего прежде косноязычного родственничка, обретшего вдруг ораторский дар. Лишь несколько секунд спустя, когда антикварные часы, юбилейный подарок «Инвестгазлеснефтьресурсиничегокромбанка», хрипло пробили полдень, Дурнев понял, что полуденный бес вступил в свое царство.

– Они меня все-таки вычислили, – бодро продолжал Халявий. – Наверняка тут не обошлось без журналистов. Они следят за каждым моим шагом. Вначале я хотел спрятаться в шкафу, но решил, что это ненадежно. Ты слышал, Дягилев, какую мерзость они говорили про меня? Они законченные дегенераты и завистники! Они всем говорят: «Нижинский – бездарь!» Они думают: я танцую ногами! Ногами танцуют посредством, гении же танцуют сердцем!

– Ты так думаешь? – усомнился дядя Герман. – А мне показалось, они очень милые люди. Особенно Бум. Сразу видно потомственного интеллигента... Ну да ладно, шутки в сторону. Признавайся, что ты украл у вампиров? Почему они тебя разыскивают?

– Они просто больные. Наглая озабоченная нежить, не разбирающаяся в хорошей музыке! – категорично заявил Халявий.

– Плевать на музыку! Вернемся к факту кражи! – сухо сказал дядя Герман. В его голосе появилось нечто прокурорское.

– Ты не веришь мне, Дягилев? Не веришь мне?! Твое подозрение оскорбительно! Моя порядочность не подлежит сомнению! Я даже своей родной маме платил за ее молоко! – На глаза у Халявия навернулись слезы.

Дядя Герман осекся. Последний аргумент его добил.

– Э-э... ладно. Поговорим теперь о воробушках. Как там насчет сказочно разбогатеть? Ты действительно можешь это устроить, или это все художественный треп? – поинтересовался он.

Халявий вскочил на табуретку. Только так он сумел опустить свою голову дяде Герману на плечо.

– А ты хочешь разбогатеть, друг мой Дягилев? – нежно проворковал он.

– Очень хочу! Можно сказать, это мой бзик, – заверил его Дурнев. – Лишняя пара ноликов на счету мне не повредит. При условии, что перед ноликами еще есть цифирки.

– Хорошо, – смиренно произнес оборотень. – Да будет так! Я помогу тебе стать сказочно богатым. Я действительно способен это сделать.

Дурнев затаил дыхание. Неужели?!

– Раньше я танцевал только для тебя, теперь же я буду танцевать для всех! Мы поедем с концертами по всему миру! – продолжал Нижинский. – Поверь, для меня это большая жертва! Смотри же, смотри!

И оборотень вдохновенно закружился по комнате, выделявая кошмарные па. Валились стулья. Раскачивалась люстра.

– Эй, стой! – закричал дядя Герман, бегая за ним. – А еще что-нибудь ты умеешь? Я имею в виду, еще как-нибудь, кроме как на твоих концертах, мы можем разбогатеть?

Оборотень с неудовольствием остановился.

– Я танцор! – воскликнул он с негодованием. – У меня есть мое сердце, моя любовь, мои ноги и музыка! И мне противны разговоры обо всем ином! Всего остального для меня не существует!

«С этим все ясно. Он ничего не помнит. Придется подождать, пока можно будет поговорить с его основной личностью», – подумал Дурнев.

Он подошел к дивану и поднял опрокинувшуюся чашку. Бывший депутат уже прикидывал, как отреагирует Нижинский, если он попросит его убраться в квартире, и не обидится ли он за это на своего друга Дягилева, как вдруг в замке повернулся ключ.

В комнату ворвалась взбудораженная Пипа.

– Папуль, меня взяли! – заорала она с порога.

– В самом деле? Ах ты, моя Дюймовочка! – умилился председатель неблагодарного общества В.А.М.П.И.Р.

Пипа уставилась на своего папу с таким удивлением, что он мигом раскаялся, поняв, что сморозил что-то не то.

– Разве я сказала, что меня взяли Дюймовочкой? Я буду играть пятнадцатую жабу из свиты!

– О! – удивился Дурнев.

– Да, папулечка! Мы с мамулей учили в машине роль. Вначале я должна сказать: «Ква-ква!», а потом, уже в конце фильма, вот так вот грустно: «Ква-ква-ква!» И вот тут режиссер пообещал, что камера возьмет меня крупно.

– О, друг мой Дягилев! Ты не говорил, что у тебя есть дочь! Но я тебя прощаю: девочка мне нравится... Так начинаются все великие карьеры! – прыгая на одной ножке в тщетной попытке изобразить балетное па, одобрил правнук бабы Рюхи, неподражаемый Халявий.

Глава 4

Терпсихора, Полигимния и черепаховая лира

Таня задернула Черные Шторы, чтобы не видеть всей той бестолковой и радостной суеты, которая всегда почему-то предшествует началу драконбольного матча. Идти сейчас на стадион и снова видеть драконов и игроков, стремительными кометами мелькавших внутри купола, было для нее невыносимо. Таня пообещала себе, что никогда больше не будет смотреть драконбол – даже с трибун. Ваньке, Тарараху и Ягуну она наврала, что ей нужно написать на завтра доклад о мировом древе, а то Поклеп давно имеет на нее зуб.

– Это точно. Когда на тебя на каждом уроке направляют всякую потусторонщину, защиту лучше не запускать. Недаром Поклеп хвалится, что его уроки не прогуливают. К нему даже переломщики на одной ноге из магпункта прыгают – а куда денешься? Духу, когда он будет вселяться, по барабану, освобожден ты от урока или нет! – ободряя ее, сказал Ванька Валялкин.

Но при этом он почему-то смотрел не на Таню, а чуть выше ее головы. Таня, хорошо изучившая Ваньку, поняла, что он ей не поверил. Еще бы – пропустить матч ради какого-то доклада, который можно написать и ночью! Такое сложно ожидать даже от Шурасика.

Зато теперь, когда все были на драконболе, Таня осталась одна – одна во всем огромном Тибидохсе, не считая привидений. В темнице за Жуткими Воротами, вздыхая, томился хаос. Стены школы для трудновоспитуемых юных магов подрагивали – мелко, но безостановочно. Таня энергично встряхнула головой.

– Ну все! Или писать доклад, или не писать! Чего ты тут расселась, Гроттерша? Марш работать! – поддельваясь под голос своей московской сестрички Пипы, велела себе Таня.

Она решительно села за стол и, щелкнув пальцами, подозвала перо жар-птица. В отличие от лопухоидных ручек и обычных гусиных перьев это перо писало само – нужно было только диктовать.

В книге по уходу за магическими существами (III том, «Птицы и морские гады») ясно значится:

«Хвостовое перо жар-птицы будет верно служить тому, кто спас птицу от смерти».

Таня не спасала птица от смерти – она лишь кормила его некоторое время, пока Ванька лежал в магпункте. Но, учитывая прожорливость птенца, это, очевидно, зачлось как спасение его жизни.

МИРОВОЕ ДРЕВО

Мировое древо – универсальный мифологический образ. Три части мирового древа связаны со всем живым на земле: ветви и вершина – с птицами (сокол, соловей и птица Див), а также с солнцем и луной; ствол – с пчелами и зверями лесными и равнинными; корни – со змеями, ящерицами и бобрами. Все же древо в целом может сопоставляться с человеком – его ногами, туловищем, руками и головой...

Таня диктовала, заглядывая то в «Мистическую историю» под общ. ред. Графа Манова, то в «Справочник белого мага». Существующий в единственном экземпляре справочник ленился, то и дело превращаясь в «Тысячу советов молодой хозяйке». Каждые пять минут Тане приходилось подогреть его искрой и произносить: «*Расслабонум!*»

Сияющее перо жар-птица скользило по бумаге, изредка брезгливо окуная кончик в чернильницу. Внезапно без всякой видимой причины перо замерло и нетерпеливо заплесало над пергаментом. От пера во все стороны разлетались искристые брызги, точно от шумно открытой бутылки шампанского. Тусклая комната с задернутыми шторами разрослась до размеров помпейского цирка. Аскетически заурядная кровать Тани и перевернутый гроб любящей черный юмор Склеповой неуловимо обрели оттенок упаднической роскоши. Над ними ухитрился появиться плотный кремовый балдахин, в складках которого могли таиться верные камеристки вкупе с привязчивыми возлюбленными вроде шейха Спири.

Даже скучный скелет Паж предстал на краткий миг молодым и гибким мушкетером с зелеными глазами. Кое-кто из должителей – а в Тибидохсе таких было немало, – возможно, узнал бы воинственного Дыр Тонианно.

Таня некоторое время недоуменно озиралась, пока у нее не мелькнула мысль, что это могут оказаться *глюки* – относительно безобидные суетливые духи. Еще бы – вся школа, кроме, вероятно, ее одной, была на драконболе. Еще бы *глюкам* не порезвиться, пользуясь отсутствием преподавателей.

– *Дрыгус-брыгус!* – произнесла Таня, вспомнив, что для *глюков*, если это они, вполне хватит и этого простенького заклинания.

Она угадала. Стоило сверкнуть зеленой искре, как во все стороны прыснули маленькие носатые человечки. Таня успела заметить, что *глюков* было никак не меньше дюжины. Штуки три расширяли пространство, один сидел на голове у Дыр Тонианно, а остальные бестолково, но радостно носились по комнате, гоняясь за брызгами света.

«*Мировое дерево моделирует тройную вертикальную структуру мира – три царства: небо, землю и преисподнюю. Широкие раскинувшиеся ветви указывают на север, запад, юг, восток. Увидеть дерево во сне: зеленое, цветущее – к счастью, сухое – к болезни или смерти...*» – собравшись с мыслями, продолжила диктовать малютка Гроттер.

Снаружи сквозь плотно задернутые шторы долетел восторженный рев болельщиков. Таня с ее немалым драконбольным опытом догадалась, что только что арбитры выпустили мячи.

«Не понимаю, чему тут радоваться? Подумаешь, какая гениальная находка: мячики, живые ворота, игроки на пылесосах! Фи! Забил мячик – получи несколько очков. Не успел ударить – торчи в желудке у дракона, пока о тебе не вспомнят (если вообще вспомнят). И как я могла убивать на это свое время?» – внушала она себе, боясь сознаться, что больше всего ей хочется сейчас оказаться на поле или хотя бы на трибунах.

Тане почти удалось уговорить себя, что драконбол – это ерунда и не стоит того, чтобы из-за него переживать, но тут под кроватью что-то застучало. Наклонившись, она увидела, что футляр из драконьей кожи подпрыгивает, и поняла, что это контрабас дрожит от нетерпения. И снова вся ее убежденность развеялась точно дым. Захотелось распахнуть окно и, вскочив на контрабас, помчаться туда, где шла игра.

Поспешно пролистав «Справочник Белого Мага», Таня обнаружила заклинание для усмирения взбудораженных музыкальных инструментов. Звучало оно как «*Настройщикус криворукус*». Стоило Тане произнести его, как контрабас успокоился и Таня смогла вернуться к порядку прискучившему ей мировому дереву.

«*Охраняет мировое дерево Симорг. Материальная форма Симорга – хищная птица с лицом человека. В древности Симоргу поклонялись, как стражу одного дерева, рождающего семена всей растительности*», – записало перо.

Таня выронила «Справочник Белого Мага». Она вдруг поняла, что только что продиктовала. Страж с телом хищной птицы и человеческим лицом!

За спиной у Тани кто-то расхохотался. Хохот был точно звук разбитого стекла. Девочка обернулась. Горбун с Пупырчатым Носом снова маячил в зеркале, щуря слезящиеся красные глазки, из которых бил пронзительный потусторонний свет. Безумный Стекольщик!

Продолжая трястись от смеха, Горбун поманил Таню к зеркалу. Девочка невольно подчинилась. Тем временем Горбун с Пупырчатым Носом повернулся и, с необычайной ловкостью перебирая тонкими руками, перебрался в правый верхний угол зеркала, где стекло было мутным и точно запотевшим изнутри.

Не понимая, чего хочет от нее Стекольщик, Таня осторожно приблизилась. Зеркало зарябило, дробя комнату и ее собственную фигуру. Горбун, словно уродливый паук, подтягивал к себе паутину с отражениями отдельных предметов, сминал их и, точно обертку, небрежно заталкивал за мутный край стекла. Наконец стекло было очищено от всего лишнего. Теперь оно было мертвенным и неподвижным, будто гладь пруда ночью.

Убедившись, что стекло ничего больше не отражает, Горбун довольно осклабил и махнул тонкой рукой. В тот же миг на поверхности зеркального озера возникли фигуры. Похоже было, что они двигаются по берегу, и происходит это не здесь, в Тибидохсе, а где-то далеко.

Первая фигура была на вороном, без единого белого пятнышка, коне. Конь всхрапывал, бил копытом и, казалось, сам боялся своего седока. Три лица всадника были под золотой вуалью, плававшей так ослепительно, что Тане больно и жутко было смотреть на нее. Она вдруг остро осознала, что, если вуаль упадет, ничто не спасет ее от смерти. Она будет сожжена огнем куда более яростным, чем драконье пламя.

За всадником, несущим смерть, на огненной колеснице ехал другой – светлоликий, с серебряной головой и золотыми усами. Правой рукой он управлял белыми конями своей колесницы. В левой держал топор. Кроме топора, у него был еще метательный молот.

За огненной колесницей на некотором отдалении двигался третий, безоружный, – невысокий, плечистый, почти до звероподобия заросший бородой, начинавшейся от глаз. В отличие от двух первых третий был пеш. Шаг его был размерен и нетороплив. Казалось, он должен был безнадежно отстать от первых двух, но, напротив, это они оглядывались, словно смутно опасались, что он может опередить их. Рядом с третьим, изредка касаясь хозяина вздымавшимся от дыхания боком, двигался белый вол в пшеничном ярме.

Таня смотрела, потрясенная.

Внезапно что-то мелькнуло в стекле, замутив уже отраженные фигуры. Над зеркальным озером, перечеркнув его своей тенью, повисла темная птица с распростертыми крыльями. В первый миг Тане почудилось, что это Мертвый Гриф, но у Мертвого Грифа не было и не могло быть человеческого лица и такого пронзительного взгляда, словно видящего все наперед...

Сложив крылья, птица упала вниз. Человеческое лицо птицы оказалось против Таниного лица.

– Найди и верни то, что украдено у нас! Или гибель всем, правым и виноватым! Мы уже идем – и горе, если наш путь закончится скорее, чем мы получим то, что принадлежит нам по праву! Это говорю я, Симорг! – услышала она не то птичий, не то человеческий крик.

В следующий миг Горбун с Пупырчатым Носом уже ползал по стеклу, стирая отражения. Быстро, точно паук, цепляясь за трещины стекла, он спустился вниз, почти под срез зеркала, и, выглянув из-за него, снова расхохотался. Его стеклянный смех брызнул осколками стакана, и все исчезло.

Очнувшись, Таня поняла, что стоит у шкафа и разглядывает в зеркале свое отражение.

* * *

Не успела Таня вернуться к докладу, как в склеповском шкафу ожил зудильник.

– Мамочка моя бабуся! Это я – всеми любимый Баб-Ягун... Матч длится уже почти четверть часа, а я помалкиваю себе в тряпочку! Думали, отделались от моей болтовни, наивные! Просто я плохо закрепил рупор, но сейчас джинны наконец обнаружили его в песке. Одного

даже шархнуло – бедняга не подозревал, что на рупоре стоит блокировка от нехороших слов! А что еще так мучительно хочется шепнуть в рупор, если ты ангарный джинн, ночующий в пустой водочной бутылке? Но вернемся к нашим музам... Да-да, наш сегодняшний матч именно с ними – с музами из сборной Греции! Они никогда не были в первой пятерке, но всегда играли стабильно, так что расслабляться не приходится. К тому же прошу заметить, что муз всего девять. Команда упорно играет в усеченном составе. Говорят, в прошлом году профессор Флянг из карьерных соображений пытался замаскироваться под десятую музу – музу доноса – и влиться в женский коллектив, но его выдали ослиные уши. К тому же он зачем-то подвязал себе крылышки...

В зудильнике что-то захрипело, послышалось шипение и тот особый, ни на что не похожий звук, который бывает, когда дракон выдыхает пламя. Кто-то из зрителей громко вскрикнул. Некоторое время Баб-Ягун молчал: слышно было лишь, как ревет двигатель его пылесоса, а сам играющий комментатор сломя голову мчится куда-то.

Прошло немало времени, прежде чем Таня вновь услышала его голос:

– Прошу прощения, я вынужден был вмешаться. Гоярын и дракон муз Пифон едва не разорвали друг друга на сотню маленьких дракончиков. Кажется, в лопухоидных милицейских протоколах это называется «взаимная неприязнь». Бр-р! Этот Пифон мне будет теперь по ночам снится! Кто не видит: больше всего дракон муз похож на чудовищного удава с крыльями, шипами на морде и четырьмя расходящимися усами. Никогда не встречал дракона, так сильно смахивающего на крылатую змею! Вы видите, что его чешуя почти не блестит, а точно переливается? Даже отсюда видно, что она пропитана ядом! Коснешься такой чешуйки, и все – некролог в «Сплетнях и бреднях» обеспечен. Черная рамка и обалденный запах типографской краски за счет редакции... А уж зубки у Пифона, я зверею! Они полые внутри, как у гадюки, и тоже ядовитые. По слухам, если засеять этими зубами борозду – вырастут свирепые воины. А уж тяпнет – сразу пылесос отбросишь. Теперь я понимаю, почему Ягге давала вчера вечером всей команде какой-то вонючий вар! Это было противоядие... Мерси, бабуся! Жаль, что я вылил свою чашку под кровать...

– Что же ты, ирод, делаешь? – пытаюсь прорваться на поле сквозь заслон циклопов, всполюлилась перепуганная старушка.

– Ты что, бабуся, мне поверила? Да выпил я, выпил! Что я, совсем дурак? Это у меня маскировочное! Вроде как – хе-хе! – Ваньку Валялкина валять! – заметил Ягун.

Играющий комментатор прищпорил пылесос, перекинул трубу из одной руки в другую и взлетел к магическому куполу.

– Не завидую я тому, кто не присутствует сегодня на матче! – затарахтел он. – Изведал враг в тот день немало, что значит русский бой удалый... Далее по первоисточнику. Говоря совсем просто: Пифон обвинил Гоярына своими кольцами и чуть не придушил. Хорошо, что у Гоярына сильные лапы, а яд на него не действует. Разнимали драконов все – и наша команда, и музы. И даже, кажется, арбитр, хотя его схрумкали почти сразу. Толстенный попался, аппетитный, кто ж откажется?... Интересно, кому он достался – по-моему, все-таки Гоярыну. Наш старикан своего не упустит!.. Из муз отличились защитницы Полигимния и Терпсихора – первый и четвертый номера, – одна на лютне, другая на черепаховой лире. Обе здорово танцуют и гипнотизируют Пифона своими движениями. А из наших здорово проявила себя Катя Лоткова, которая ко всем прочим своим достоинствам еще и хорошенькая...

Лоткова слегка порозовела. Она обожала комплименты, особенно когда их слышали несколько тысяч зрителей. Однако у Ягуна рядом с бочкой меда всегда была наготове и ложка дегтя.

– Правда, некоторые утверждают, что в профиль Катя малость смахивает на утку. Но я думаю, это все врут... Лично мне, скромному и милому юноше, больше нравится ее левый глаз. Он добрее правого и не смотрит на сторону, – закончил язвительный внук Ягге. Он пользовался

случаем сквитаться с Лотковой, которая вчера назло ему отправилась на свидание с Семь-Пень-Дыром.

Недовольная Катя, над которой укатывался теперь весь стадион, что-то шепнула Гоярыну, и тот метко послал в Ягуна огненный плевок. Играющему комментатору пришлось нырнуть под пылесос.

– Вы видели, какие бурные страсти! Меня чуть не поджарили! Тут никакая жилетка против сглаза не помогла бы! Образумьтесь, люди! Без пяти минут ноябрь на дворе и холод собачий! – завопил он. – Ого! Прошу прощения! Пока я болтал, на поле создалась критическая ситуация. Музы перешли во фронтальное наступление. Сейчас мяч у номера третьего, Эрато, покровительницы любовной поэзии и стихов имени себя... Кто-нибудь понял, что я сказал? Это был такой тонкий намек!.. Эрато шпорит кифару – да-да, она летит именно на семи-струнной кифаре! – и перехватывает пламегасительный мяч из-под носа у Жоры Жикина. Жикин, разумеется, проморгал. Ему захотелось в очередной раз поправить челочку! Вдруг кто-то не заметит, какой он симпатяжка, и в него влюбится на полтонны девиц меньше?.. Но-но, не надо грязь! Согласись, это конструктивная критика!

Удрав от Жикина, чрезмерно разогнавшегося на швабре с пропеллером, Ягун вернулся к исполнению своих демагогических обязанностей:

– Эрато вырывается вперед... Отличный пас Евтерпе, номеру пятому! Между нами, как можно летать на такой крошечной флейте, особенно даме с такими античными формами! Да еще распевать лирические песни!.. А что делать: работа такая! Трудиться музыкой – это вам не защиту от духов преподавать!.. Евтерпа ловит пламегасительный мяч и уходит на флейте вниз, обыгрывая Риту Шито-Крыто... Тем временем номер второй, Урания – отличный пикирующий телескоп, да и сама очень даже ничего! – круто разворачивается и приближается к Гоярыну сверху, входя в мертвую зону. Пользуясь тем, что дракон ее не видит, она зависает там и ждет, пока ей принесут мячик на белом блюде с синей каемочкой... Чтобы не скучать в ожидании, Урания наклоняется и, поправив окуляр, разглядывает в телескоп отдаленные уголки поля... Удобно – и летаешь, и по сторонам смотришь! Прямо полный сервис! Может, мне тоже к пылесосу что-нибудь полезное присобачить? Какое-нибудь зубное сверло для особенно настырных вроде Горьянова?.. Тузиков, чего ты в веник вцепился? Разворачивай Гоярына, страхни ее! Устроили тут, понимаешь, планетарий у нашего дракона на лысине!

– ЯГУН! ЕСЛИ ТЫ ЕЩЕ РАЗ!.. ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! – сердито крикнул академик Сарданапал, сидевший рядом с тренером муз А. Поллони по прозвищу Мусает.

В отличие от девочек из своей команды, предпочитавших в одежде античный стиль, покровитель муз был одет по-европейски и курил сигару. Рядом с господином Поллони с треножником под мышкой крутилась пифия, его секретарша-переводчица, успевшая уже поцапаться из-за какого-то пустяка с Великой Зуби. Сгоряча обе дамы едва не сглазили друг друга, и помирить их сумела лишь Медузия. Сам олимпиец в ссору не вмешивался, предпочитая оставаться в стороне. К тому же рядом с Великой Зуби мрачный, аки статуя командора, восседал Готфрид Бульонский – бывший Спящий Красавец, а ныне старший воевода Тибидохса, в обязанности которого входило следить, чтобы в потайные ходы не пробиралась нежить.

На гостевой трибуне коченели на ветру приехавшие на матч со своей командой болельщики муз, в основном нимфы: дриады, nereиды, наяды и ореады. Обитавшие в озерах наяды, а также морские nereиды, по примеру Поклеповой русалки, были все в бочках с пресной или морской водой, а живущие в кроне деревьев дриады кутались в накидки из опавшей листвы. Носы у всех нимф были красные, а во взгляде сквозило уныние. Кое-кто уже явно жалел, что потащился на такую холодину.

Не мерзли одни только ореады – горные нимфы. Они были привычны к любому климату и теперь отрывались на полную катушку.

– ЯГУН, если еще раз ТЫ! – продолжал грохотать Сарданапал.

– Миль пардон, академик!.. – спохватился Ягун. – Я забыл, что играющий комментатор не имеет права подсказывать!.. Это оговаривается пятым пунктом составленных вами вчера правил, которые вы почему-то написали почерком Поклепа на бумаге с его монограммой... Вы думаете, Кузя Тузиков меня услышал? Ничего похожего. Он чистит уши только каждое третье полнолуние, и то если год високосный, а месяц начинается на букву «а». Апрель там или август... Но вернемся к нашим баранам... К игрокам то есть. Пора состригать с них слова для моего репортажа и сплести из них причудливую повествовательную ткань. Номер шестой, Каллиопа на салпинксе – это такая труба, если кому интересно! – пытается завладеть чихательным мячом, но ее пока оттесняет Лиза Зализина. Сегодня Лиза в ударе. Ее часы мелькают в самых разных уголках поля... Ах, мне подсказывают, что у нее просто кукушка улетела и она ее ловит! Но это не меняет сути дела! Какая отличная сегодня игра! Даже резкий ветер с океана не мешает!..

Таня бессильно пнула дверцу склеповского шкафа. Ей никак не удавалось его открыть и заткнуть зудильник. Подозрительная Гробыня наставила столько запирающих черномагических заклинаний, что не было никакой возможности извлечь зудильник и расправиться с ним. Приходилось слушать дальше. И это было тем досаднее, что матч уже начинал ее захватывать.

Таня уселась на пол рядом с упрямым шкафом, опустила подбородок на колени и стала слушать.

– Евтерпа делает полупетлю! Пас номеру седьмому, Талии. Та ловко набирает высоту и, обыграв Склепову, перехватывает пламегасительный мяч. Вы не смотрите, что Талия все время хихикает. Муза комедии все-таки. Зато ее *двойной авлос* разгоняется просто мамочка моя бабуся как! Как, вы не знаете, что такое *авлос*? Какая безграмотность! Не знать таких элементарных вещей! Авлос – это барабан, и пусть вам будет стыдно за вашу неосведомленность!

– Ягун, *авлос* – это свирель! – использовав усиливающее голос заклинание, назидательно произнесла с трибуны доцент Горгонова.

– Свирель? – спохватился Ягун. – Неужели? Надо же, действительно свирель! А то я гляжу, что на барабан она совсем не похожа, и внутренне смущаюсь! Просто я посмотрел на другую ладонь. Шпаргалки перепутал. С нами, великими, такое случается... Но вернемся к Талии. Забыл сказать: Талия – капитан команды муз. Или, правильнее сказать, капитанша? Но не будем придирается к словам. Из всех муз Талия самая молоденькая. Полигимния и Эрато, правда, тоже ничего. Особенно мне по вкусу Терпсихора – а что вы хотели, танцует с вечера и до утра! – как тут не держать фигуру? А вот Клио и Мельпомена – номера восьмой и девятый, одна на бубне, другая на горне – тетеньки ого-го! Не исключаю, что их держат для таранов, тем более что обе играют в полузащите. Из этих двоих я лично больше опасуюсь Мельпомены. Суровая дама! Лицо у нее такое, будто она только что вернулась с поминок и теперь поспешно соображает, не помер ли еще кто-нибудь, чтоб было где поужинать. Все-таки муза трагедии, моя бабуся уж три тыщи лет с ней знакома... Ого! Талия обыгрывает Тузикова, умело обходит Семь-Пень-Дыра и выходит на Катю Лоткову! Лоткова что-то шепчет Гоярыну, и тот выпускает длинную струю пламени, стараясь не подпустить Талию на дистанцию броска. Но у Талии, по-моему, другие планы. Она уклоняется и делает несколько дразнящих движений рукой, будто собирается метнуть мяч! Нечестно играть в собачку, особенно в таком музейном возрасте! Что за детские фокусы!

Талия обернулась и показала Ягуну язык. Прежде чем ошеломленный комментатор сумел переварить, что муза понимает по-русски, она набрала высоту и дала пас Урании. Та, не теряя времени, спикировала на телескопе к самой голове Гоярына, который в этот миг готовился к очередному огнеметанию, и ловко не то забросила, не то просто сунула мяч ему в пасть.

Погасший Гоярын окутался клубами дыма.

– Три – ноль. Музы делают нас, как младенцев. Одно утешение – идет только двадцатая минута матча! – уныло сказал Ягун.

Опростоволосившаяся Лоткова схватилась за голову и закричала на Кузю Тузикова, отлетевшего слишком далеко от дракона. Замерзшие нимфы радостно завопили. Особенно много бузили наяды и переиды, радуясь случаю согреться. Они колотили ладонями по воде и визжали, чем приводили в бешенство поклеповскую Милюлю, которая была убеждена, что только она одна имеет моральное право брызгаться и визжать. Дриады и ореады не отставали от nereид и наяд. Некоторые на радостях даже швыряли в тибидохских болельщиков запуками и паке-тиками из-под орешков.

– Юные нимфетки трескают котлетки! – сердито задрезвился играющий комментатор, о защитную жилетку которого с треском разбился запук. – Но-но, нимфетки! Рано радуетесь! Вот позову дядьку Набока, он вам устроит!

Нимфы притихли. Почему-то все нимфы до дрожи боятся дядьку Набока, хотя это всего лишь маг-отшельник, живущий, по слухам, где-то на Больших Американских Островах. Поговаривают, правда, что дядька Набок использует магию вуду, которая даже опаснее темной, а еще, что именно он злодейски усыпил клонированную овечку Долли. Впрочем, последнее до сих пор не доказано.

Неожиданно Ягун привстал на пылесосе и, козырьком приложив ладонь ко лбу, всмотрелся в какую-то точку.

– А это что еще там такое? Прошу прощения, у меня игровая пауза! – воскликнул он.

Таня, хотя и не могла ничего видеть, догадалась, что Ягун засек неподалеку мяч и попытается догнать его. Взревел двигатель, выплевывая из трубы русалочью чешую, к которой Ягун стал в последнее время добавлять селитру. В майонезе он разочаровался. Тот хлестал из всех щелей и из насадки хромированной трубы, и шеголеватый внук Ягге, обожавший хорошие кожаные комбинезоны, в конце игры становился похож на запеченную в духовке индейку. Особенно сходство усиливалось, когда приправленный майонезом Ягун цеплял на излете струю драконьего пламени.

Зудильник молчал. Некоторое время назад Таня именно этого и хотела, а теперь вдруг осознала, что умирает от любопытства.

– Ну же, Ягун! Ну! Что ты меня мучаешь, дубина ты стоеросовая? Скажи хоть что-нибудь! – крикнула она и в сердцах, не вставая с пола, толкнула ногой шкаф.

Гробынин шкаф, светившийся от черномагических заклинаний, как чаша Грааля, удрученно заскрипел. Он был оскорблен в лучших своих побуждениях. Хотят слушать – пинают, не хотят слушать – тоже пинают. Он-то тут при чем? От такой жизни скоро фальцетом запоешь!

– Эх! Чихательный мячик упустил! – пожаловался зудильник. – Нимфы из-под самого носа увели! А все эта Каллиопа на салпинксе! А еще серьезной притворяется! Эпос, то да се, я вас умоляю! А как подрезать и воздушным потоком сбивать – так первая!.. Но вообще-то я и сам виноват: не надо было селитры столько добавлять! Летишь вроде нормально, а потом как полыхнет, и ты как Мюнхгаузен на ядре... Швыряет непонятно куда! Лучше уж по старинке – на чешуе да на всяком дрызге. Тише едешь – дальше будешь!..

А. Поллони снисходительно улыбнулся, подмигнул пифии и незаметно потер ручки. Он уже давно сообразил, что его команда имеет на поле серьезный тактический перевес.

– Каллиопа... Пас Клио... Пас Талии – она уже у средней линии... Странно, что пас такой дальний... Семь-Пень-Дыр пытается перехватить мяч, но нарывается на заговоренный пас... Уверен, это был *Фигус-зацанус!* Кто бы мог подумать, что нимфы используют такие приемчики! Жаль! Хотя характер у Пня, между нами, сволочной, играет он здорово... Скучающие санитарные джинны тянут Пня в разные стороны, оспаривая, на чьи носилки положить. Пень вопит от боли, отбрыкивается и утверждает, что может идти сам. Все раненные почему-то так утверждают, впрочем, и здоровые тоже... Уф! Наконец-то моя бабуся наводит порядок!

Лишние джинны отогнаны, и Пня уносят с поля. И в самое время, потому что им уже заинтересовался Пифон.

Шпоря пылесос, Ягун помчался спасать свои ворота, на лету отрывисто выкрикивая:

– Талия снимает заговор на мяч и передает пас Эрато... Наигранные тактические комбинации... Блеск... Еще один пас – Евтерпе... Зализина не решается перехватить мяч, подозревая, что он заговорен... Ничего подобного! Перестраховалась!.. Евтерпа! Прорыв к Гоярыну! Эх, если б не пламегасительная магия – он бы ей показал! Евтерпа размахивается – бросок!.. Признаться, отсюда я не вижу, был гол или нет, но, судя по тому, как режут трибуны и беснуются нимфетки... Да, гол был! Только что сработало чихательное заклинание. Гоярын поневоле распахивает пасть, словно приглашая забросить в нее еще несколько мячей. Пять – ноль... Да, блестящая игра сборной Тибидохса! Что ты тут крутишься, Горьянов? Все равно никакого от тебя толку! Иди лучше на песочке порисуй палочкой!

Тарарах закрыл лицо руками. Огромный питекантроп всегда очень переживал неудачи команды.

– Эхма! Раньше хоть судьи против нас были! А теперь и судьи наши, и все наше, а толку что? Вот что самое скверное! – удрученно пробасил он.

Соловей О. Разбойник сидел мрачный как туча и все пытался понять, почему сборная Тибидохса, такая сыгранная на тренировках, недавно лишь по случайности не одолевшая невидимок, теперь играет так неубедительно. Хотя, если разобраться, он знал причину.

– Внимание, игра продолжается!.. Что это? Трибуны в ужасе замирают! Верка Попугаева, номер десятый, на реактивном пылесосе идет на таран Клио и Каллиопы! Какая отвага! Вот уж не думал, что в Верке живет дух камикадзе! Тетеньки музы от неожиданности расступаются, и Попугаева, визжа, залетает в распахнутую пасть Пифона! Тот глотает ее и облизывается, крайне довольный! Если бы Верка была хоть с мячом, но она, к сожалению, не догадалась его захватить... А, я понял! Бедняга просто перегазовала! Мощные пылесосы требуют умелого обращения. О чем, интересно, думал Соловей, когда посадил Верку на этого хромированного зверя? Метлы для нее, что ли, не нашлось? Пуппер Таньке недавно целую связку в подарок прислал!.. И ни одного совка. Эх, десятый номер, десятый номер! Подвел ты нас всех!

Таня вздрогнула. Она сообразила, что, говоря о десятом номере, Ягун в данном случае имел в виду не Попугаеву. Десятым номером всегда была она, Таня, и команду подвела она, а не Попугаева. Говоря откровенно, какой спрос может быть с Верки, которая помнит все сплетни за десять последних лет, видит, что лежит внутри закрытого стола, но при этом не в состоянии сообразить, что, кроме ускоряющего, существует и тормозящее заклинание!

Отдернув плотные шторы, Таня услышала далекий гул стадиона. Она ощущала, что буквально разрывается на части. Одна ее половина стремилась туда, на поле, другая же упорно заявляла, что не желает даже думать о драконболе. Чего может стоить игрок, усыпивший собственного дракона, да еще в финальном матче?!

Тем временем Ягун, у которого настроение менялось быстрее, чем рожки в автомате Калашникова, восторженно завопил:

– Вы это видели? Восьмой номер сборной Тибидохса перехватывает одурительный мяч! Какая техника! Какой блестящий и смелый игровой почерк! Он обходит Клио на бубне, обыгрывает Каллиопу и умело уходит от столкновения с Мельпоменой, которая, рыдая в предвкушении очередных поминок, несется ему навстречу на своем горне, явно намереваясь протаранить его! Да, восьмой номер – это высокий класс!

Шурасик, заносивший ход матча в свой блокнотик, внезапно перестал писать.

– Погоди-ка! Но восьмой номер – это сам Ягун! Он же про себя говорит! – недоуменно сказал он.

– Ну и что из того? Другого комментатора-то нет! Да, Ягунчик с одурительным мячом – это захватывает. Младенец с гранатой рядом с ним – вторая серия фильмов ужаса, – приятно млея, сказала Дуся Пупсикова.

С начала года она взяла Шурасика под свое покровительство и всегда садилась с ним рядом. Когда Шурасик ронял ластик или справочник бытовых сглазов, Дуся немедленно их поднимала. В любвеобильном сердце Дуси находилось место для всех – для Ягуна, Пуппера, Шурасика, для каждого там был свой особенный уголок. И всем там было хорошо и просторно.

– Теперь на пути у героического номера восьмого Эрато на кифаре! – самозабвенно восклицал Ягун. – Ого, мамочка моя бабуся! Эрато страстно облизывает губы и зовет почитать стишки имени себя, но мы хорошие мальчики и таких намеков не понимаем!.. Восьмой номер резко ныряет вниз, затем вновь набирает высоту, и Эрато остается позади... Теперь на его пути только защита! Ну берегись, Пифон!

Величественный А. Поллони задумчиво поднял бровь, поиграл ею, перемещая ее вверх-вниз, пожевал сигару и что-то негромко приказал пифии. Секретарша-теле... (так и хочется сказать «психо») ...патка сосредоточилась, вцепилась в треножник и принялась что-то мысленно передавать Полигимнии и Терпсихоре. Некоторое время и та и другая не понимали, что от них хотят, но внезапно их лица просветлели. Пришпорив лютню и черепаховую лиру, номера первый и четвертый помчались к Пифону. Полигимния что-то напевала, а Терпсихора поспешно делала руками какие-то сложные движения.

Кольца громадного змея пришли в движение. Несколько секунд – и он свернулся в тугую пружину, состоящую, казалось, из одних только маслянисто поблескивающих колец.

– Ой, мамочка моя бабуся! А это что еще за вольная композиция на тему дракона? Куда здесь мячик-то забрасывать, спрашивается? Дырка-то для мячика где, а? Рассейте недоумение, граждане-товарищи! – озадачился Баб-Ягун, зависая над Пифоном на пылесосе.

Пока играющий комментатор озирался, пытаясь определить, где заканчиваются кольца и где находится голова чудища, тугая пружина Пифона внезапно развернулась. Дракон, словно выстрелившая из катапульты зубастая лента, устремился к внуку Ягге. Когда Баб-Ягун обнаружил это, было уже слишком поздно. Кошмарная пасть распахнулась прямо под пылесосом. Единственное, что героически сумел сделать комментатор, – не выпустить одурительный мяч. С ним вместе он и исчез в драконьей пасти. Пылесос с хромированной трубой, отплюнутый мало интересующимся техникой Пифоном, упал на песок...

Несколько секунд спустя магия, заключенная в мяче, сработала. Музы брызнули в разные стороны, спасаясь от погнавшегося за ними дракона. Эрато слегка замешкалась и была проглочена вместе с кифарой.

– Пять – один. Не ахти как хорошо, но все-таки не так печально! Ну и жара же здесь! Поверьте моему опыту, это самый тесный драконий желудок из всех, в которых мне доводилось бывать! – пожаловался Ягун.

Трибуны весело зашумели. Слушать голос комментатора, доносившийся из драконьей пасти и усиленный магическим рупором, было забавно. Казалось, будто это вещает сам Пифон.

– Эй, кто-нибудь, забросьте перцовый мячик! Неохота мне тут сидеть! А, народ, слабо? – попросил Ягун.

Никто, разумеется, не откликнулся на его зов. Так как вести репортаж из драконьего желудка, не видя ровным счетом ничего, было по меньшей мере глупо, играющий комментатор отколол рупор, расстегнул воротник и, обливаясь потом, уселся прямо на жаркое дно драконьего желудка.

Внезапно в темноте кто-то кашлянул, явно привлекая к себе внимание.

– Это ты, Попугаева? – насторожился Ягун.

– Да, Ягунчик, – томно откликнулась Верка.

– И-э-э, а я вот тут мячик забил! – не зная точно, о чем говорить с Попугаевой, заметил Ягун. – А тебя, бедную, проглотили, значит? Говорил я тебе на тренировке: не газуй так!

– Чего-чего? – недоуменно переспросила Верка.

– А того! Ты прямо как Танькина тетка Нинель. Мне Танька рассказывала, как она сдавала на права. Въехала в личную машину инспектора, а потом с перепугу подала назад и врезалась еще в одну машину. На нее стали кричать. А тут приехала Айседорка Котлеткина на танке поболеть за подругу, стала разворачиваться и проломила стену у самого пункта ГАИ. Тут тете Нинель сразу все поставили, выдали права и выпроводили ее поскорее вместе со всеми подружками... Вот и ты летаешь в том же духе.

– Ягун, не хамай! Я, конечно, держусь в воздухе не супер, но тебя, между прочим, тоже проглотили! – возразила Попугаева.

– Я – другое дело. Можешь считать, что я пришел к тебе на выручку! Чтобы тебе не было так одиноко! – назидательно сказал Ягун.

Попугаева оживилась, точно римский легионер, услышавший призыв военного горна. Ягуну даже почудилось, что он увидел, как в темноте ее глаза вспыхнули страстным ведьминским огнем.

– В самом деле? – грудным голосом спросила она. – Так ты дал проглотить себя ради меня? Правда, Ягунчик?

– Само собой! Просто мамочка моя бабуся! – спасая свою репутацию, сказал Ягун.

Одновременно ему почему-то вдруг стало неуютно. Попугаева буквально бомбардировала его своими флюидами.

– Я не верю в случайные встречи! Мы тут вдвоем, ты и я, и никого вокруг!.. Мне страшно! – проворковала Верка, опуская голову на плечо Ягуну и буквально вдавливая его в тесную стенку драконьего желудка.

– Как это никого вокруг? Вокруг дракон! – поспешно возразил внук Ягге.

– Ну и что? Придвинься ко мне! Он нас не видит.

– Э-э... Зато я его вижу. И вообще с этими драконами ничего нельзя знать определенно... Особенно с греческими. Они, греческие, самые коварные! – заметил Ягун, прикидывая, как ему отделаться от Попугаевой, чтобы ее не обидеть.

– Ягунчик, ты такой напряженный! Просто комок нервов! Я тебя не узнаю! Или ты только на пылесосе смелый? – укоризненно сказала Верка.

– Э-э... При чем тут пылесос? Жарко тут. Сиди парься! Что-то не похоже, что собираются забрасывать перцовый мяч! – тоскливо заметил Ягун. Попугаева наваливалась на него все сильнее.

– Чего бы тебе хотелось, Ягунчик? – еще более томно спросила Верка.

– Чтоб сюда еще кто-то попал! – ляпнул внук Ягге.

Лучше бы Ягун помолчал, потому что мгновение спустя ему на голову свалилась Эрато, заплутавшая где-то в извилах Пифонова пищевода. Подобно всем музам, она была весьма античных форм.

– Есть тут кто? Привет, ребятки! Меня вот тоже проглотили – совсем Пифон ополоумел, своих хватает.

– Привет! – прохрипел Ягун, ощупывая, не сломана ли у него шея. Ответить на этот вопрос сразу было весьма проблематично.

– О, это наш разговорчивый комментатор! Жаль, я тебя не вижу, ну да ладно. Стишки почитать? – с ходу предложила Эрато.

– Не надо! Я скромный! Я не люблю стихи! Я люблю частушки! – поспешно отказался Ягун.

– Я и частушки умею! Правда, они немного того, не для малолеток, но вы же не обидитесь на взрослую тетю? – захихикала Эрато, перебирая струны кифары.

Ягун попытался отнестись ко всему с юмором. Перезрелая тетка Эрато, помешанная на стихах имени себя, и первая сплетница Тибидохса Верка... И он сам... Что ж, не самая плохая компания. Даже довольно забавно. Если бы только Попугаева не пыталась ущипнуть его в темноте...

«Ну и свинья же этот Пифон! Что он, не мог Лоткову проглотить и больше никого?.. Только меня и Катю. Жаль, что нельзя заказывать, кого глотать, а кого нет», – тоскливо подумал Ягун.

* * *

После того как играющий комментатор временно приостановил исполнение своих должностных обязанностей в связи с исчезновением в пасти дракона, преподаватели задумались, на кого переложить его полномочия. Сарданал, как главный судья, сам комментировать не мог. Медузия отказалась. Поклеп Поклепыч был склонен к бытовым и небытовым формам хамства. Соловей О. Разбойник, как тренер, был пристрастен, вдобавок сильно был недоволен своей командой. Великая Зуби мало что смыслила в драконболе и вообще была так близорука, что могла перепутать дракона с ближайшей тибидохской башней.

Малютка Клоппик... м-м... возможно, использовать его было бы неплохим решением, но он не дорос еще до таких ответственных поручений. К тому же в настоящий момент Клоппик был занят тем, что обучал циклопов плевательному заклинанию. После прохождения краткого курса циклопы попадали в цель на расстоянии двадцати метров, что крайне забавляло эти простые, но надежные умы.

– Быть тебе, отроче, главой темного отделения! Ты медленно, но надежно катишься к прежнему своему состоянию! – грустно сказал ему как-то Сарданал.

Малютка Клоппик захихикал. Из своего прошлого он ровным счетом ничего не помнил, даже побаивался слегка собственных портретов, кое-где висевших еще на стенах. С них прежний суровый профессор Клопп с лицом, похожим на желтую редьку, сурово глядел на своего приемника, сдвигая клочковатые брови.

– Придется, Тарахах, тебе комментировать! Больше никому! Не подведи уж! – сказала Медузия, вручая питекантропу запасной рупор.

– Кххх... Раз, два, три... Слышно меня? Это я, Тарахах... – смущенно сказал питекантроп. – Ягуна проглотили, так что я теперь должен объяснять, как и чего... Я-то так болтать, как этот парень, не обучен, ну да попробую. Положение на поле неважноецкое. Теснят наших, чего тут еще скажешь? Просто глаза б мои не глядели. Ритка Шито-Крыто пытается поймать перцовый мяч, но ее жестко отсекают Евтерпа и Клио. Мельпомена на горне давно уже преследует обездвиживающий мяч – да только разве за ним угонишься? Тот уходит, резко меня направление. Сглазили его, что ли? В драконболе всякое бывает... А это чего такое? Ни в какие ворота не лезет! Обездвиживающий мяч летит точно на Гробыню Склепову, только руку протяни, но Склепова смотрит совсем в другую сторону. Гробынюшке захотелось выяснить отношения с Жорой Жикиным. Оно конечно, до конца игры-то никак нельзя отложить. Пар сойдет – уж не так интересно друг на друга орать будет... Одна Лизка Зализина да Катя Лоткова еще как-то вытягивают, да где им? Да, без Таньки Гроттер игра не игра... Да только она и на матч сегодня не пришла. Не может бедный ребенок даже игру посмотреть! Сидит Поклепу про мировое древо доклад строчит. А то без нее Поклеп про древо ничего не знает, несчастный... Можно подумать, не из-за него тогда та история с деревом вышла. Не уследил, а теперь детишки вон отдуваются.

Услышав свое имя, завуч Тибидохса зашевелился, словно филин, на которого направили луч света. Кто-то из недовольных болельщиков издали послал в него запук, но тотчас, позеленев, сам свалился под скамейку с сильнейшей чесоткой.

– Строгость – прежде всего! Это мой девиз! Я старшеклассников не распускаю! Сегодня им поблажку дашь, а завтра они тебя с супом съедят! – оправдываясь, сказал Поклеп Милюле. Русалка, ударив хвостом, плеснула в него гнилой водой.

– Клепа, пупсик, не грузи, а то уплыву от тебя! – пригрозила она, заставив завуча мигом притихнуть.

Стоявшая рядом Великая Зуби отвернулась, пряча улыбку. Ее позабавило, что страшного Поклепа кто-то может называть Клепой-пупсиком да еще обращаться с ним так небрежно. Клепа и Милюля – чем не звездная пара? В своем роде ничуть не хуже, чем она сама с Готфридом Бульонским.

Таня, слушавшая Тарараха по зудильнику, обозвала себя лицемерной дрянью. Сама с собой она церемонилась куда меньше, чем даже с Пипой или Гробыней. Добрый, милый, простодушный Тарарах! Он-то в отличие от Ваньки и, не исключено, Ягуна поверил, что она пропускает матч из-за доклада. Возможно, сейчас нужно было хватать контрабас и мчаться на поле спасать почти потерянную игру, но она не могла. Во-первых, из-за упрямого Соловья, с которым была в ссоре. Но не только из-за Соловья. Внутри у нее, сжимая ее душу тонкими лапками, отвратительный, как Горбун с Пупырчатым Носом, сидел большой, черный, волосатый паук, которого она никак не могла раздавить, потому что этот паук был частью ее самой.

Девочка осталась сидеть на полу, стискивая виски. Только что ей почудилось, что звук зудильника заглушили иные, звучащие у нее внутри голоса.

«Ты тайно влюблена в Пуппера!» – вновь услышала она слова Шурасика. И тотчас другой, страшно знакомый, бесплотный голос прошелестел: «Тот, кого по-настоящему полюбит Таня Гроттер, предаст ее!»

– Я не люблю Пуппера! Я люблю Ваньку! Ясно вам? – убеждая непонятно кого, громко сказала Таня.

Безумный Стекольщик захихикал в зеркале. Черные Шторы язвительно зашевелились, высвечивая то Гуню Гломова в купальной шапочке, то Гурия в обнимку с василиском. В этой ненормальной магической школе нигде нельзя было побыть одной!

Тарарах, не привыкший тархтеть целые часы напролет, как это с легкостью делал играющий комментатор, вскоре охрип. К тому же с трибун ему было видно не так хорошо, как Ягуну, который всегда был в гуще событий.

– Терпсихора ловит перцовый мяч... Передача Урании... Та шпорит пикирующий телескоп и мчится к Гоярыну. Тот выдыхает дым и пытается набрать высоту, да только делает это ужас как медленно. Вон, глядите, на хвост как заваливается!.. – Тарарах презрительно сплюнул в пространство, мало смущаясь, что прямо под его трибуной сидели А. Поллони с пифией и дюжина корреспондентов магвостей. – Да, лет сто-двести назад Гоярын был малость проворнее. Он и сейчас неплох, да только не дело это, когда драконам запрещают взбадривающую смесь перед матчем давать. Тут бы нитроглицеринчику, да пуда три горчицы, да ртути с красным перчиком, да не из ведра, а из свеженького следочка Стрефил-птицы... Во бы он как залетал! А сейчас чего: погода вон какая, промозгло, сыро, а драконы – существа капризные. Гоярын не сегодня-завтра в спячку впадет, а тут летать приходится. Вы уж не обижайтесь, академик, что я правду-матку режу!.. Оно конечно, не по правилам драконов опаивать, да только, когда они в воздухе засыпают, тоже не дело.

– ЯГУ... ТЬФУ ТЫ! ТАРАРАХ! ПРЕКРАТИ НЕМЕДЛЕННО! – вскричал академик Сарданапал.

Главному судье катастрофически не везло с комментаторами. Первый был болтун, а второй попался обличитель.

– Да молчу я, молчу, если кого от правды моей коробит! Тогда я наперед скажу, что сейчас будет. Вон Урания Гоярына к куполу прижимает. Сейчас Гоярын разъярится и ударит ее хвостом, но промахнется – он, как ящерица, сонный. А как он пасть после разинет, тут Урания

или пас даст, или сама атакует... Защитники вон наши суетятся, да только что толку? Им бы самим мяч поймать, да музы небось заговоренный пошлют... Они только с виду все такие поэтические, а на деле шустрые... Ну, что я говорил? Просто можно и не смотреть – и так все ясно! – с горьким удовлетворением произнес Тарарах.

Нереиды, наяды, дриады и ореады, собирательно окрещенные Ягуном нимфетками, радостно взревели. Как Тарарах и предсказывал, Гоярын попытался атаковать хвостом, промахнулся, разинул пасть – и получил перцовый мяч от хихикающей Талии. Урания была под невыгодным для броска углом и предпочла передать пас подруге.

Полыхнула белая слепящая вспышка. Гоярын, подчинясь магии, выплюнул двух ангарных джиннов и пухлого арбитра. Причем последний был в одном ботинке и с оторванным рукавом.

– Десять – один! Чудный счет! – ехидно заметил Тарарах. – Всего-то разницы, что в один нолик, а про него всегда можно сказать, что он ничего не значит.

– Мамочка моя бабуся! Не щекочите меня, дурищи! Я от щекотки с детства дурею! Уж лучше снова частушки! – вдруг громко, на весь стадион разнесся голос Ягуна.

Тарарах от неожиданности замолк. Даже разбуянившиеся нимфетки пораженно притихли.

– Рупор включился! В драконьем брюхе жара, вот магию и замкнуло, – пояснила Готфриду Зубодериха.

– Точно, алмаз короны моей! У нас теперь два комментатора – внутренний и внешний, – с обычной своей витиеватостью выразился господин Бульонский.

«Внутренний» комментатор между тем уже упорно брал верх над «внешним».

– А-а! Они мне в ухо дуют! Эй, отойдите от меня! Я психованный! Меня в детстве гарпии украли и с башни уронили! – вопил Ягун.

Пифон постепенно выходил из себя. Стоило ему открыть рот, как оттуда вместе с языками пламени вырывался то хохот Ягуна, то его истошные вопли. Это злило дракона. Пифон, озабоченный происходившим у него в желудке, несколько раз свернулся и развернулся, надеясь усмирить этим маневром навязчивого играющего комментатора. Но добился он строго противоположного. Перегретый, защекотанный да вдобавок еще и укачанный Ягун разбуянился и стал дурить.

Воспользовавшись тем, что Попугаева и муза во время одного из драконьих кувырков были отброшены в сторону, он приколот рупор на прежнее место и дикторским голосом произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.